

ДѢТСКІЙ ЛІРЪ

1913 г.

№ 4-й

Содержание № 4: „У насъ не хуже, чѣмъ у разныхъ тамъ людей!..“
Ориг. рус. худ. **Н. Денисова.**—Блины у медвѣжатъ. Стих. **Бор. Арбатскій.**—
Каменщикъ. Японск. сказка. Перев. **Е. Пущинской.** Съ рис.—Къ 300-лѣтнему
юбилею царствующаго Дома Романовыхъ. Рис.—Чернокнижникъ Молчановъ въ
Москвѣ въ 1613 г. Истор. пов. **І. Любичъ-Кошурова.**—Гибель „Св. Генріэтты“. Пов.
изъ америк. жизни. **Кумминсъ.** Перев. **Н. Атласъ.** Съ рис. (Продолженіе).—Фонарщикъ. Пов.
въ воздухѣ. **Г. Гульковского.** Съ рис.—Дѣдъ-морозъ. Стих. **Евг. Сорензона.**
—Смутное время на Руси. Истор. очерки. **Л. А—ча.**—Къ полюсу! Ст. **Л. Холмскаго.** Съ рис.—Между дѣломъ: Шарады. Задачи. Медвѣжья услуга. Шутка.
Съ рис.—Объявленія.

Продолжается подписка на 1913 годъ

на популярно-образовательный и литературно-худож. иллю-
стрир. журналъ для семьи и школы.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

(VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

(Журналъ премированъ въ Россіи и за границей).

Въ 1913 г. журналъ издается въ увеличен. форматѣ и въ большемъ объемѣ.

Въ журналъ обѣщали участіе: Л. Абрамовичъ, Аркадій Аверчен-
ко, Каз. Баранцевичъ, Е. Богдановская, Ѳ. Благовъ, Н. Васинъ,
П. Георгіевъ, И. Данилинтъ, Никъ Дени, Павелъ Егоровъ, В. Звона-
ревъ, Борисъ Ивинскій, В. Кашкаровъ-Весленевъ, Вл. Ленскій, І. Любичъ-Кошуровъ, А. Мирскій, М. Митяшевъ, Арк. Полонскій, О. Полтавка, Алексѣй Толстой, Н. Фольбаумъ, В. Шишкинъ, Т. Щепки-
на-Куперникъ, Е. Экъ и друг. Художники: П. Абрамовъ, А. Бекъ, Н. Денисовъ, Е. Я. Ловмянскій, Д. Орловъ, А. Тимановъ и др.

Годовые подписчики получаютъ:

24 иллюстрир. книжки, содержа-
щія разск., стихотв., пьесы для
дѣтскаго театра, путешествія,
популярныя статьи изъ разн. обл.
знанія, игры, занятія, шутки и др.

Четыре преміи:

1. Большой альбомъ для маронъ.
Дѣти любятъ собирать разныя кол-
лекціи, и собраніе марокъ очень
распространено. Но большимъ затруд-
неніемъ является отсутствіе системат.
альбома, дорого стоящаго въ прода-
жѣ. Съ этой цѣлью редакция „Дѣт-

скаго Мира“ рѣшила придти на по-
мощь своимъ молодымъ читателямъ.

2. Большая интересная игра-
путешествіе „Вверхъ по Волгѣ“
со всѣми приспособленіями и рас-
крашенною картою.

3. Книга, богато иллюстриро-
ванная, „Какъ люди летаютъ“,
отвѣтъ на самое интересное явленіе
современной жизни.

4. Книга „Лѣсъ, луга, поля“,
со множествомъ иллюстрацій, ри-
сующая окружающую насъ природу
и специально посвященная Россіи.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми приложеніями съ **3 РУБ.**
доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города въ годъ.

На $\frac{1}{2}$ г.—**1 р. 50 к.**

Комплекты журнала „Дѣтскій Міръ“ за 1912 г. съ приложеніемъ „Жизнь
животныхъ по Брэму“ могутъ быть высланы за 3 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **МОСКВА**, Большая
Дмитровка, д. № 26; въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровск.
Линія); во всѣхъ книжн. магаз. и почтово-телегр. контор. Россіи.

Издатель Акц. О-во издательск. и печатн. дѣла „Московское Издательство“.

Редакторъ Г. А. Ювенно.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Пробный номеръ для ознакомленія у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ, а также высыл. изъ конторы за 20 коп.

Дѣтскій Міръ

Двухнедельный художественно-литературный журналъ для семьи и школы.

1913 г.
Февраль.

— VI годъ изданія —

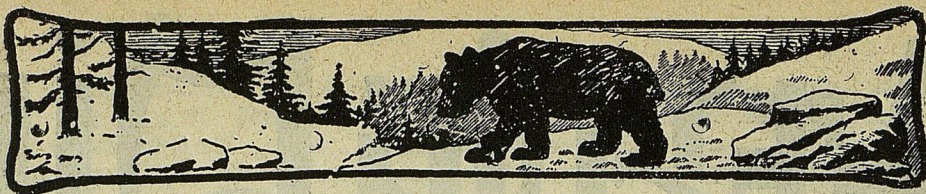
Контора и редакция: МОСКВА, Б. Дмитровка, 26. Тел. 46-57.

№ 4

„У насъ не хуже, чѣмъ у разныхъ тамъ людей!“...

Блины у медвѣжатъ.

Прибѣжали медвѣжата,
Хватъ мамашу за бока!—
— Мама, кушаютъ ребята
Ужъ блины у лѣсника!..

Вьется запахъ изъ избушки,
Бьетъ въ открытое окно...
У печи лицо старушки
Суетливое видно...

Быстро чапельникъ мелькаетъ
Въ лѣсничихиныхъ рукахъ...
Блинъ на столъ перелетаетъ
И хруститъ въ ребячьихъ ртахъ...

О, блины! Что ихъ вкуснѣ?...
О, горячіе блинки!..
Мама, ну-ка поскорѣе
Ставь опару и леки!..—

— Ишь, надумали ребята!..—
Стала мать дѣтей журить.—
Ну, да ладно, бѣсенята,
Напеку вамъ! Такъ и быть!

Вмигъ поставила опару,
Сковородки припасла...
Развела въ печуркѣ жару...
Дымъ понесся изъ дупла...

Поднялась опара скоро...
Стала мама печь блины...
Медвѣжата сіяютъ взоры,
Бурной радости полны...

За блинами неустанно
Къ печкѣ бѣгаютъ они...
Имъ дана къ блинамъ сметана,
Масло русское,—взгляни!..

— Мама, дай еще б. иночекъ!—
Шаловливый крикъ звучитъ...
Кто-то пролилъ ужъ горшочекъ...
Тотъ съ блинами ужъ шалитъ...

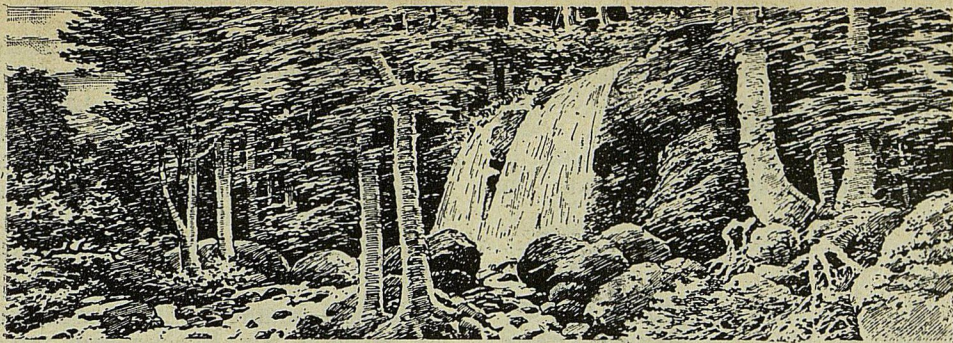
Расшалились не на шутку
Медвѣжата въ этотъ часъ...
Такъ пріятно ихъ желудку!..
Такъ наѣлись въ первый разъ!..

Выбѣгаютъ „мишки“ снова,
Мчатъ средь зарослей густыхъ...
Видъ избушки лѣсниковой
Ужъ не такъ тревожитъ ихъ...

И медвѣдица не тужитъ,
Накормивъ своихъ дѣтей:
— Да, теперь у насъ не хуже,
Чѣмъ у разныхъ тамъ людей!..

• Бор. Арбатскій.

КАМЕНЩИКЪ

(Японская сказка).

Много лѣтъ тому назадъ жилъ себѣ одинъ бѣднякъ, который съ тяжелымъ трудомъ добывалъ свой кусокъ хлѣба, разбивая большіе камни на маленькіе.

Изъ года въ годъ работалъ онъ на большой дорогѣ, будь то въ дождь, или хорошую погоду, въ холодъ, морозъ или въ зной,—и всегда былъ еле живъ отъ усталости и голода.

— Ахъ!—воскликнулъ онъ однажды. —Какъ я былъ бы благодаренъ богамъ, если бы вдругъ я сдѣлался такъ богатъ, чтобы хоть разъ выспаться, наѣсться и напиться досыта. Вѣдь есть же на свѣтѣ такіе люди, которые никогда не устаютъ и никогда не голодаютъ!

Легъ бы я у дверей своего дома на мягкихъ циновкахъ, одѣлся бы въ тонкое шелковое платье, а слуга каждые четверть часа напоминалъ бы мнѣ, что я могу ничего не дѣлать и спать со спокойной совѣстью.

Въ эту минуту мимо бѣдняка пролетала добрая могущественная фея и услышала его желанія.

— Пусть исполнятся твои желанія,—прошептала она.

И вдругъ бѣдный каменщикъ очутился у дверей великолѣпнаго дома. Онъ лежалъ на мягкихъ циновкахъ одѣтый въ роскошное шелковое платье и не чувствовалъ ни голода, ни усталости.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ своего счастья.

Уже полчаса продолжалось это блаженство, когда мимо дома каменщика прошелъ микадо со своей свитой. А властелинъ Японіи былъ въ то время са-

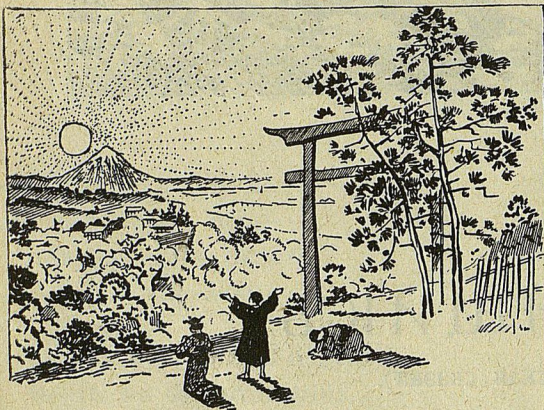
мымъ могущественнымъ изъ всѣхъ властелиновъ Востока.

Микадо, окруженный своими придвор-

ными и войскомъ, былъ одѣтъ въ шитое золотомъ платье. Его сопровождали супруга, которая ѣхала на бѣломъ слонѣ, и прекрасный оркестръ, составленный изъ лучшихъ музыкантовъ.

Опершись на пуховыя подушки, ле-

жалъ микадо въ золотомъ паланкинѣ, украшенномъ драгоценными камнями. Первый министр имѣлъ честь нести зонтикъ надъ головой властелина, зонтикъ громко позванивалъ на каждомъ шагу, такъ какъ края его были обшиты колокольчиками.

Неожиданно разбогатѣвшій каменщикъ съ завистью смотрѣлъ на процессію микадо.

— Вотъ это называется жизнь!—воскликнулъ онъ.

— Если бы я былъ микадо, я бы ѣздилъ еще съ большимъ великолѣпиемъ... Ахъ, если бы я былъ микадо!

Въ эту самую минуту онъ почувствовалъ, что и онъ лежитъ въ золотомъ паланкинѣ, усыпанномъ драгоценными камнями, окруженный министрами, свитой, войскомъ и музыкантами.

День былъ страшно жаркій; солнце сильно пекло и ослѣпляло глаза нашего новаго микадо. Тогда онъ обернулся къ министру, который держалъ надъ нимъ зонтикъ и отдалъ приказъ:

— Солнце мучаетъ меня. Скажи ему, что я, властелинъ Японіи, приказываю, чтобы оно удалилось.

Первый министр отдалъ другому зонтикъ и отошелъ, но почти тотчасъ онъ вернулся смущенный:

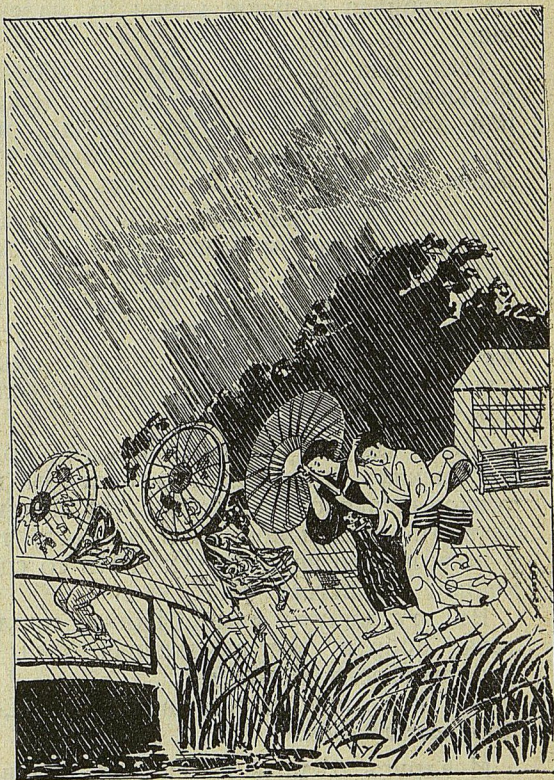
— Великій микадо! Властелинъ боговъ и людей! Это невозможно. Солнце сдѣлало видъ, что не поняло меня, и продолжаетъ печь.

— Наказать его! Вѣдь я равенъ богамъ, неправда ли? Вѣдь минуту тому назадъ ты самъ сказалъ, что для меня нѣтъ ничего невозможнаго. Значитъ, или ты лгалъ мнѣ, или не хочешь исполнить моего приказанія. Я даю тебѣ пять минутъ, чтобы погасить солнце и десять—чтобы увѣдомить меня объ этомъ. Иди!

Первый министр удалился, но больше не вернулся. Всесильный микадо покраснѣлъ отъ злости.

— Что же это значить? Я—всемогущій властелинъ и долженъ выносить капризы какой-то тамъ горячей звѣзды. А, такъ, значитъ, солнце сильнѣе меня? Въ такомъ случаѣ—хочу быть солнцемъ!

И вотъ бывшій каменщикъ сталъ вдругъ солнцемъ, великимъ, могучимъ, вращающимся въ пространствѣ, согревающимъ землю своими лучами и высушивающимъ рѣки.

Какъ вдругъ передъ палящимъ солнцемъ встала туча.

— Остановись,—сказала она,—здѣсь нельзя горѣть!

— Что?—воскликнуло солнце. — Кто же мнѣ запретить?

— Я,—отвѣтила туча, стоя между солнцемъ и землею.

— Значить, ты, туча, сильнѣе солнца? А, въ такомъ случаѣ я хочу быть тучей!

И вотъ огромная могучая туча поплыла между солнцемъ и землею. Ни разу не упала она на землю теплымъ дождекомъ, но, исполняя волю бывшаго каменщика, она всегда появлялась въ сопровожденіи ливня, града и такой бури, которая съ корнемъ вырываетъ деревья. И тогда ручейки превращались въ рѣки и все заливало вокругъ, а бѣдные жители убѣгали и въ страхѣ прятались по болѣе безопаснымъ мѣстамъ.

А туча, гордая своимъ могуществомъ, плыла дальше, вѣря, что на свѣтѣ нѣтъ ничего сильнѣе ея.

Однажды она попала на гранитную скалу, которая дерзко приняла всѣ нападенія тучи, не дрогнувъ подъ ея сильными потоками, смѣясь надъ бурей и молніей.

— Какъ?—закричала туча. — Значить, эта гордая скала сильнѣе меня? Если такъ, то я хочу быть скалой!

И, дѣйствительно,—туча превратилась въ гранитную скалу, которая гордо оглядывалась вокругъ, говоря, что ничто не можетъ сравниться съ ея силой. Недвижимая, неприступная, стояла она, не дрогнувъ подъ палящими лучами солнца и ударами грома.

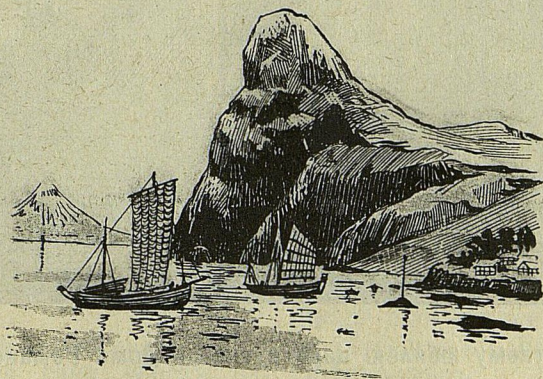
— Я сильнѣе всѣхъ,—довольная, повторяла она.

Какъ, вдругъ... тяжелые удары молота у ея ногъ обратили на себя ея вниманіе. Наклонилась скала и увидѣла, что несчастный, оборванный каменщикъ, съ молоткомъ въ рукахъ отбиваетъ кусокъ за кускомъ гранитъ и разбиваетъ его на небольшіе камни, которыми устилаютъ шоссеюную дорогу.

— Что? Этотъ несчастный человѣкъ можетъ уничтожить меня, могучую гранитную скалу? Значить, онъ сильнѣе всѣхъ. Въ такомъ случаѣ—хочу быть каменщикомъ!

И, вотъ, гордая скала превратилась въ прежняго каменщика, который съ молотомъ въ рукахъ откалывалъ кусокъ за кускомъ гранитъ и разбивалъ его на камни.

Съ тѣхъ поръ каменщикъ никогда не высказывалъ недовольства своей судьбой.

НѢ 300-лѢтнему юбилею царствующаго Дома Романовыхъ.

Колокольня Ивана Великаго въ московскомъ Кремлѣ. Успенскій соборъ. Никольскія ворота. Мать царя Михаила Феодоровича, инокиня Марѣя. Царь Михаилъ Феодоровичъ. Алексѣй Михайловичъ и костяной тронъ Алексѣя Михайловича и на немъ шапка Царства Казанскаго.

Чернокнижникъ Молчановъ въ Москвѣ въ 1613 г.

(Повѣсть).

Глава I.

— Приѣхали, — сказалъ мужикъ въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ, повернувшись къ сѣдоку и отворачивая воротникъ тулупа. Онъ смотрѣлъ на сѣдока въ полуоборотъ черезъ плечо изъ-за края воротника однимъ глазомъ, придерживая отвернутый уголь воротника рукой въ кожаной желтой рукавицѣ.

Была ночь и былъ жестокой морозъ.

Заскрипѣли ворота. Ихъ отворилъ настежь и сталъ къ сторонѣ, держа въ рукахъ длинный квадратный шестъ, челоуѣкъ въ такомъ же нагольномъ тулупѣ, какой былъ на мужикѣ, привезшемъ сѣдока, только одѣтомъ не въ рукава, а накинутомъ на голову.

— Поѣзжай во дворъ, — сказалъ сѣдокъ глухо изъ глубины медвѣжьяго воротника своей, крытой синимъ сукномъ, шубы, взявшись обѣими руками за края воротника, немного пораздвинувъ ихъ противъ рта и сейчасъ же опять закрывшись.

Мужикъ задергалъ возжами.

Лошади протянули сани черезъ наметенный у воротъ сугробъ. Снѣгъ визжалъ подъ полозьями.

Человѣкъ, отворившій ворота, когда лошади, окруженные спереди по самыя колѣни бѣлымъ паромъ, клубившимся внизъ на грудь отъ ихъ мордъ, продвинули сани дальше, пошелъ рядомъ съ санями, держась за оглобли и, оглянувшись на сѣдока, сказалъ вполголоса, нагнувшись къ возчику:

— Енъ самъ?

Но возчику некогда было отвѣчать на этотъ вопросъ, потому что онъ не рѣшилъ еще—вести ли ему сѣдока прямо къ господскому дому, или высадить тутъ, посреди двора. Потихоньку онъ натягивалъ возжи, хотъ и покрикивалъ на лошадей:

— Но! но!

Про сѣдока онъ зналъ, что онъ дворянинъ, «только не изъ важныхъ», проживаетъ у боярина Салтыкова, а своего имѣнія никакого не имѣетъ.

Остановить лошадей посреди двора будетъ, пожалуй, не совсѣмъ какъ слѣдуетъ, но то же не совсѣмъ какъ слѣдуетъ будетъ и вести сѣдока къ дому. Не великъ куликъ... Только и есть, что салтыковскій. Если бы не салтыковскій, тогда другой разговоръ: высадить бы у воротъ на улицѣ.

Раздумывая такъ, онъ потихоньку все больше натягивалъ возжи, чтобы лошади шли медленнѣе, хотя по-прежнему и почмокивалъ на нихъ и понокивалъ, и покрикивалъ:

— Вытягивай, милыя!

Визжалъ снѣгъ, шуршала по снѣгу настланная въ сани солома. Со стороны могло показаться, что лошадямъ необычайно тяжело. Имъ, и правда, было нелегко идти на натянутыхъ возжахъ.

Вдругъ они остановились.

— Загрузли, — сказалъ возчикъ, обернувшись къ сѣдоку.

Сзади скрипѣли ворота.

Отъ мѣсяца на дворѣ было совсѣмъ свѣтло. Мѣсяцъ свѣтилъ черезъ крышу сарая прямо въ ворота, покрытыя бѣлой изморозью. Ворота искрились голубыми блестками.

Ясно около воротъ была видна фигура въ бѣломъ тулупѣ, накинутаго на голову, и синяя тѣнь отъ нея на воротахъ.

Ставъ въ саняхъ на ноги, возчикъ крикнулъ черезъ голову сѣдока къ воротамъ:

— Антонъ, эй! Иди сюда! Проводи его милость до хоромъ. Не идутъ дальше, окаянная сила.

Подпирая ворота шестомъ, Антонъ откликнулся:

— Сейчас!

Сѣдокъ отложилъ на плечи воротникъ у шубы, перегнулся черезъ грядку саней и смотрѣлъ внизъ на снѣгъ. Возчикъ только мелькомъ и вскользь кинулъ на него быстрый взглядъ и опять закричалъ Василию:

— Скажи на милость, среди двора стали.

— Что, не идутъ дальше?—сказалъ сѣдокъ, продолжая глядѣть внизъ. Но сказалъ онъ это немножко не такъ, какъ надо; похоже было на то, будто онъ поперхнулся.

Должно быть, онъ все очень хорошо понималъ, хотя и прикинулся, что вѣрять возчику, будто лошади загрузили въ снѣгу и оттого остановились.

— Запарились, — отвѣтилъ ему возчикъ, но тоже не такъ, какъ говорятъ правду: онъ будто выбросилъ это слово, какъ украденое, и поскорѣй, чтобы не замѣтили, спрятался за чужую спину—заговорилъ сейчасъ же снова съ Антономъ, словно отбѣжалъ въ сторону отъ опаснаго мѣста.

Онъ ему говорилъ:

— Скажи на милость, какъ не кормленныя!.. И диви бы дорога дальняя... Ахъ, ты, Господи!

Подойдя къ санямъ съ той стороны, гдѣ сидѣлъ сѣдокъ и остановившись тутъ лицомъ къ сѣдоку, а спиной къ возчику, Антонъ сказалъ:

— Да оно и не ближняя... И не ближняя, и не дальняя. — Онъ смотрѣлъ на сѣдока изъ-подъ своего накинутаго на голову тулупа и отвѣчалъ возчику не оборачиваясь. Онъ разглядывалъ сѣдока безъ всякаго стѣсненія, нисколько

не пряча отъ него своего любопытства.

— И не ближняя, и не дальняя,—повторилъ за нимъ возчикъ. Ахъ, ты, Господи!

И хлопнулъ руками по тулупу.

У сѣдока было худое, продолговатое лицо, безъ бороды, съ одними только усами, висѣвшими книзу. Губы были тонкія и острый длинный подбородокъ.

— Ладно!—сказалъ онъ. — Гдѣ тутъ пройти?..

Подобравъ полы шубы, онъ поднялся съ краю саней, посмотрѣлъ подъ ноги, выбирая мѣсто, гдѣ сойти.

Потомъ онъ потянулъ Антона за рукавъ тулупа и оперся объ его плечо.

— Ну-ка!..

Антонъ рассказывалъ потомъ, что когда салтыковскій дворянинъ оперся объ его плечо, у него было такое ощущеніе, будто на плечо къ нему вспрыгнула большая лягушка,—хоть на немъ и былъ тулупъ, и вспрыгни къ нему въ самомъ дѣлѣ лягушка, онъ этого не замѣтилъ бы черезъ тулупъ.

Антонъ очень хорошо зналъ, кого это среди ночи привезли къ его господамъ.

Старый бояринъ ужъ давно хворалъ, а сегодня у него поднялась икота съ самаго утра. И въ домѣ оттого, что бояринъ, лежа у себя на постелѣ, икалъ такъ громко, какъ не икаютъ обыкновенно здоровые люди, стало жутко...

И потому привезли этого дворянина, Молчанова по фамилии, долго жившаго въ Польшѣ и научившагося тамъ вѣдовству по чернымъ книгамъ.

Тамъ, въ Польшѣ, Молчановъ и бороду обрилъ, какъ нарочно: чтобы видѣли всѣ его тонкія губы и острый подбородокъ.

Антонъ плевался, когда рассказывалъ въ людской избѣ про то, какія губы у Молчанова и какой подбородокъ. И видно было, что ему дѣйствительно противно вспоминать про этотъ голый подбородокъ, и онъ плюется не потому, чтобы показать, какъ ему противно, а оттого, что во рту собирается слюна, какъ когда въ ротъ возьмешь что-нибудь кислое или горькое.

Онъ проводилъ Молчанова отъ саней до сѣней господскаго дома и оставилъ его тамъ стучаться въ дверь, какъ онъ хочетъ. А самъ ушелъ къ сараю помочь распрягать лошадей возчику.

Возчика звали Никифоръ.

— Никишка!—окликнулъ онъ возчика, подходя къ сараю,—ты тутъ?

Подъ сараемъ было темно.

— Тута!—сказалъ Никифоръ изъ подъ сарая.

Антонъ громко, на весь дворъ, плюнулъ.

— Тьфу!

— Да ужъ что и говорить,—отозвался Никифоръ, очевидно, понявъ его очень хорошо, хотъ онъ и не сказалъ ни слова, а только плюнулъ.

Глава II.

Дверь Молчанову отворилъ молодой человѣкъ круглолицый, румяный съ румянами въ мелкихъ завиткахъ, какъ у барашка, волосами на головѣ и съ серебряной въ видѣ колечка серьгой въ ухѣ.

На немъ была красная рубашка съ очень высокимъ, почти до ушей воротомъ, расшитымъ бисеромъ и туго охватывавшимъ полную бѣлую шею. И, можетъ быть, оттого такъ румяны, почти красны, были круглыя немного вздрагивающія, когда онъ ходилъ, щеки у молодого человѣка, что тѣсный съ бисернымъ шитьемъ воротъ его рубахи болѣе, чѣмъ слѣдовало, туго стягивалъ ему шею.

Все на этомъ румянѣ до-красна лицъ было кругло: подбородокъ, отъ полноты уже начинавшій двоиться, щеки, носъ... И глаза были круглые, сѣрые безъ рѣсницъ и бровей и немного тоже словно отъ натуги вытаращенные.

Молчановъ сперва принялъ было его за хозяйскаго сына, такъ какъ слышалъ, что хозяйскій сынъ слыветъ на Москвѣ красавцемъ не изъ послѣднихъ. На его взглядъ молодой человѣкъ вовсе не былъ красивъ. Мужскую красоту онъ понималъ по-иному. Но онъ прикидывалъ московскую мѣрку...

При полнотѣ своей, при круглыхъ своихъ плечахъ и мягкихъ бѣлыхъ пухлыхъ рукахъ съ короткими пальцами, молодой человѣкъ былъ очень вертлявъ и подвиженъ, хотя и казался съ перваго взгляда сырымъ, вялымъ, какъ зарумянившійся только сверху, но не пропеченный какъ слѣдуетъ и немного расплзшійся, оттого что его рано вынули изъ печи, пшеничный каравай.

Молчановъ вернулся въ Москву со-

всѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ изъ нея уѣхалъ.

Боярскому холопу Антону было противно видѣть его голый подбородокъ.

А Молчанову было противно смотрѣть, съ какими вывертами, потопывая сафьянными сапогами, заложивъ одну руку за спину ладонью наружу, прохаживались гдѣ-нибудь въ Кремлѣ, въ приказныхъ переднихъ или въ сѣняхъ у большихъ бояръ вотъ такіе молодые люди, похожіе на сдобныя лепешки, въ которыя не пожалѣли положить ни сахара, ни масла, ни сметаны, чтобы потомъ было на что и самимъ порадоваться, и чужимъ людямъ, заморскимъ гостямъ, показать.

Молодой человѣкъ оказался совсѣмъ не хозяйскимъ сыномъ, а такимъ же приживателемъ изъ дворянъ, какимъ былъ и самъ Молчановъ.

Когда онъ отворилъ дверь и посторонился, чтобы его пропустить, Молчановъ увидѣлъ большую квадратную комнату съ низкимъ изъ еловыхъ бревенъ потолкомъ и двумя маленькими окошками по одному въ каждой стѣнѣ, выходившими, какъ можно было предполагать, на дворъ. Въ двухъ другихъ стѣнахъ были двери.

Посрединѣ комнаты была печь, сложенная на голландскій образецъ безъ лежанки, облицованная изразцами и съ мѣднымъ круглымъ, очень большимъ, чуть не въ тарелку величиною отдушникомъ.

Впрочемъ и сама печь была велика, и голландскаго въ ней, пожалуй, было только это мѣдный отдушникъ... Клатъ печь, должно быть, свой печникъ, можетъ быть, видѣвшій голландскія печи, а можетъ быть только о нихъ слыжавшій. И потому у него такъ и вышло не совсѣмъ ладно. Какъ нѣмецкій кафтанъ, сшитый московскимъ швецомъ... И пуговицу къ этому кафтану, этотъ мѣдный отдушникъ, тоже пришили, лишь бы было ее видно издали и можно было бы по ней одной узнать, по этой пуговицѣ, что работа нѣмецкая.

Вдоль всѣхъ стѣнъ комнаты стояли широкія лавки. Направо отъ входа подъ образами стоялъ дубовый очень длинный столъ. Столъ былъ накрытъ скатертью. За нимъ, должно быть, только-что ужинали. Скатерть была въ пятнахъ отъ расплесканнаго изъ ложекъ варева, усыпаннаго хлѣбными крошками и посрединѣ стола стояла оловянная

чашка съ собранными въ ней огрызками хлѣба, оглоданными костями и тоже оловянными же, какъ и чашка, ложками.

Комната была жарко натоплена и отчего-то въ ней было чадно, или это была сырость, скоплявшаяся крупными каплями на потолокъ, какъ въ банѣ, и тяжелымъ туманомъ стоявшая въ воздухѣ... Огарокъ сальной свѣчи, горѣвшій въ мѣдномъ подсвѣчникѣ на столѣ, освѣщалъ плохо комнату.

Нѣсколько синихъ и зеленыхъ растегнутыхъ кафтановъ съ красными и малиноваго цвѣта шелковыми рубашками подъ ними, нѣсколько лицъ, потныхъ и красныхъ, послѣ недавняго ужина маячили въ этомъ чаду или въ этой сырости, проникавшей воздухъ сизой мутью.

Оглядѣвшись, Молчановъ сообразилъ, что онъ находится скорѣе всего среди боярскихъ дворянъ, которымъ за бояринствомъ «тепло и не дуется». И оттого всѣ они такіе щеголи... За боярскихъ гостей, какихъ-нибудь тоже бояръ, собравшихся навѣстить больного, ихъ никакъ нельзя было принять. Для этого одѣты они были не достаточно богато. И кроме того, если бы они были гости, имъ на столъ подали бы что-нибудь лучше оловянной миски.

Самое большее, чѣмъ еще они могли быть, такъ это дальними боярскими родичами.

Но ихъ было много, не меньше десяти человѣкъ.

Они обступили Молчанова кругомъ, когда онъ раздѣлся...

На образа онъ не сталъ креститься и на немъ былъ польскаго покроя кафтанъ, съ пристегнутой къ поясу не польской, однако, саблей, а длинной прямой рапирой.

Онъ положилъ руку на эфесъ рапиры и молча посмотрѣлъ присталь-

нымъ взглядомъ поочередно въ глаза тѣмъ, кто стоялъ къ нему ближе.

Глаза у него были глубокіе и черные, и если всмотрѣться въ нихъ, то они по-немногу начинали казаться лишенными зрачковъ. Будто зрачки расплывались и оставалась одна чернота. Будто смотрѣлъ человѣкъ не въ глаза другому человѣку, а въ какую-то переливающуюся и колыхающуюся темь, какая бываетъ ночью въ проруби.

И чудилось,—глубоко тамъ! И отъ сознанія, что тамъ темно и глубоко какъ въ безднѣ, становилось жутко и страшно и хотѣлось отойти прочь.

Тамъ.—Гдѣ тамъ? Въ его глазахъ? Но что можетъ быть въ глазахъ?

Но его глаза были какъ черныя окна, сквозь которыя смотрятъ въ глубину ночи. Ночь была за ними... Не ночь, а жуткая ночь...

Онъ умѣлъ дѣлать такіе глаза, давалъ имъ такое выраженіе. А можетъ быть, вперивъ въ человѣка этотъ свой жуткій взглядъ, онъ показывалъ ему свою душу:

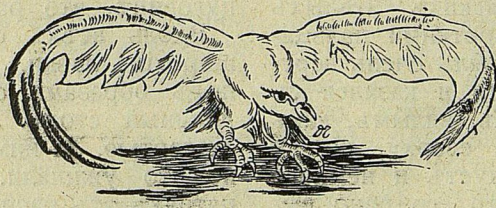
— Гляди, каковъ я...

Онъ-то зналъ, каковъ онъ!.. И такъ какъ это желаніе показать человѣку, каковъ онъ самъ въ себѣ, было велико въ немъ, онъ могучимъ усиліемъ воли какъ бы выходилъ передъ человѣкомъ самъ изъ себя...

Про его глаза, и правда, говорили, что они безъ зрачковъ и будто въ нихъ «ворочается» что-то какъ живое, а что—не разглядишь, потому что въ глазахъ у него черно, какъ если бы въ нихъ налили чернилъ или конопляного масла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

І. Любичъ-Кошуровъ.

Гибель „Св. Генріэтты“.

Приключеніе Марка.

Повѣсть.

Глава III *).

Приключеніе въ Гаврѣ.

Господинъ Мартонъ вставалъ рано, и первое, что онъ увидѣлъ, входя въ комнату, была бѣленькая записка Марка.

— Сумасшедшій мальчишка!—вскринулъ онъ въ волненіи. Прочтя записку, онъ началъ ходить по комнатѣ, вынимая и убирая табакерку и награждая Марка самыми нелестными эпитетами. Бѣдный старикъ сталъ одѣваться въ такомъ состояніи, что руки не попадали въ рукава, галстукъ не завязывался.

Минуту спустя онъ былъ въ «бѣломъ домикѣ» и тамъ нашелъ Марію Грасье въ обморокъ около записки Марка.

Мартонъ старался привести ее въ чувство, повторяя:

— Негодный мальчишка! вѣдь, что надѣлалъ! Не плачьте, сударыня, успокойтесь! Мы его найдемъ, мы непременно его отыщемъ!

Въ теченіе слѣдующихъ дней производились розыски Марка. Но мальчишка не находилось—какъ въ воду канулъ.

Маркъ былъ далеко!

Наплакавшись до-сыта, Маркъ, чтобы

не поддаваться искушенію, бросился бѣжать отъ родного дома. Мысль Д. Антиферъ остался далеко позади. Миновавъ мѣстечко Крикетто, мальчикъ изъ боязни преслѣдованія отдалился отъ берега и вскорѣ вышелъ на Монтевильерскую дорогу. Но и здѣсь онъ не шель по самой дорогѣ изъ боязни встрѣтить кого-нибудь, а пробирался стороной, взбираясь на холмы, сбѣгая въ долины. Взошедшее солнце обогрѣло воздухъ; итти было бы совсѣмъ весело, если бы сердце не сжималось воспоминаніями о домѣ.

Въ Монтевильерѣ можно было съѣсть на желѣзнодорожную вѣтвь и доѣхать до Гавра, но Маркъ побоялся и этого: здѣсь, вѣдь, прежде всего будутъ его искать—и онъ опять свернулъ къ берегу по прямому направленію къ Гавру.

Въ половинѣ дня Маркъ сдѣлалъ остановку, расположился у ручья, досталъ изъ узелка единственный небольшой кусочекъ хлѣба и сыру и позавтракалъ. Отдохнувъ немного, съ новыми силами двинулся въ путь. Теперь по солнцу было итти совсѣмъ тепло. Вскорѣ показались признаки близости Гавра.

Здѣсь мало было фабрикъ и заводовъ. Эта «Гавань Парижа» была чисто коммерческой; всюду виднѣлись домики полускрытые въ зелени, покрывающей возвышенности вокругъ порта.

Наконѣцъ, Маркъ дошелъ до самаго города. Съ расположеніемъ его онъ былъ немного знакомъ: вѣдь, онъ нѣсколько разъ былъ въ немъ съ отцомъ. Это воспоминаніе вызвало опять грустныя мысли, но онѣ разсѣялись, какъ только онъ вышелъ на Орлеанскую улицу и вступилъ въ самую оживленную часть города. Жизнь здѣсь кипѣла ключемъ. На безконечной набережной шла непрерывная работа; въ гавани виднѣлся цѣлый лѣсъ мачтъ; вились флаги всевозможныхъ цвѣтовъ, всѣхъ націй; разгружались и грузились суда; пѣніе матросовъ, крики носильщиковъ, брань таможенныхъ—все это слилось въ общій гулъ. Въ «Барѣ» стояли громадныя американскія суда; при взглядѣ на полосатые флаги съ звѣздными четырехугольниками сердце Марка усиленно забилося.

Теперь только предъ нимъ предстала вся трудность его затѣи. Возьмутъ ли его, какъ онъ надѣялся?.. Онъ даже не рѣшался долгое время подойти къ кому-нибудь—слишкомъ ужъ всѣ были заняты своимъ дѣломъ, и на всѣ робкіе попытки онъ получалъ окрики постороннихъ и не мѣшать. Онъ выбралъ небольшое судно, гдѣ было поменьше суеты, но и здѣсь, увидя его на сходняхъ, его попросили уходить и не шлаться безъ толку. Такимъ образомъ онъ дошелъ до мола, который вытянулся какъ стрѣла. Вдали, на концѣ, виднѣлся маякъ. Маркъ вернулся. Найдя матроса, который возился надъ раскуриваніемъ трубки, мальчикъ обратился къ нему за совѣтомъ. Морякъ, не отвѣчая, продолжалъ раскуривать проклятую трубку и, нѣсколько разъ энергично плюнувъ, отрицательно покачалъ головой.

— Не выйдетъ, малышъ, я говорю не выйдетъ твое дѣло. Плавалъ? Аттестатъ судовой есть? Нѣтъ.

Морякъ опять плюнулъ нѣсколько разъ.

— И все равно безъ родителей нельзя; родители могутъ...

Мальчикъ понурилъ голову и побрелъ дальше. Набравшись храбрости, онъ подходилъ къ шкиперамъ, боцманамъ,

но вездѣ получалъ отрицательный и чаще грубый отвѣтъ.

Отчаяніе стало закрадываться въ душу Марка.

Около стараго «Королевскаго бассейна» онъ вынужденъ былъ нырнуть въ толпу и бѣжать за тюки хлопка. Передъ нимъ мелькнуло знакомое лицо капитана изъ Гонфлера, который зналъ его отца, мать и даже его самого. Объ опасности съ этой стороны Маркъ совсѣмъ было забылъ. Вѣдь онъ могъ встрѣтить не одного знакомаго! Бросившись за складъ хлопка, онъ второпяхъ толкнулъ какого-то оборваннаго мальчика, но тутъ же извинился; оказалось, оборванцу этого недостаточно. Онъ счелъ появленіе Марка для себя неожиданнымъ развлеченіемъ и вступилъ въ драку. Для начала онъ ловкимъ ударомъ сшибъ его съ ногъ, а когда Маркъ поднялся и сталъ въ оборонительную позу, откуда ни возмись, появились еще два оборванца и приняли сторону зачинщика. Они всѣ втроемъ стали наступать на Марка. Маркъ оборонялся, какъ только могъ.

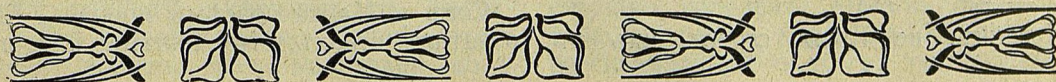
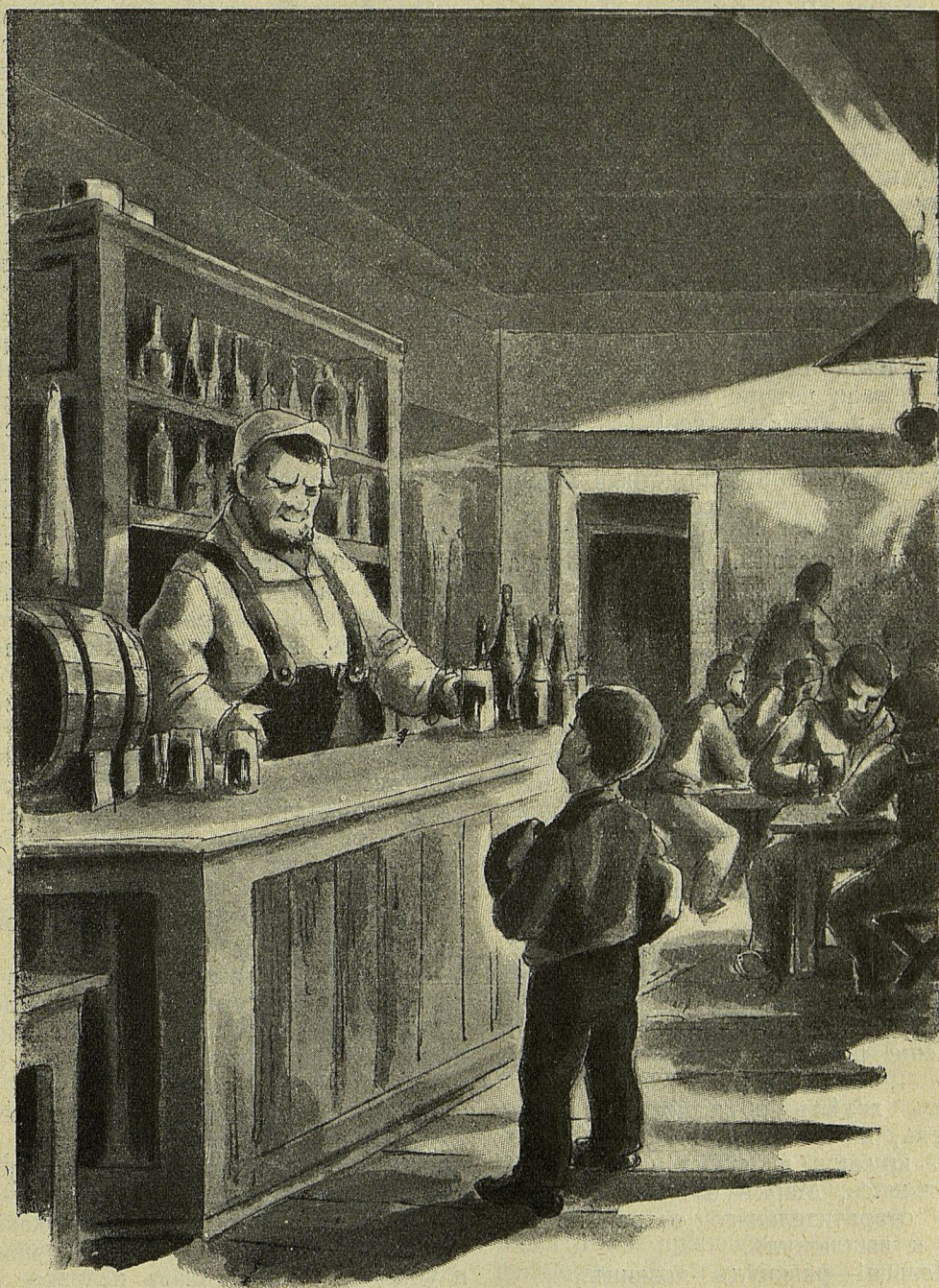
Неизвѣстно надолго ли бы затянулось сраженіе, если бы ему не положило конецъ появленіе трехъ матросовъ. Они были навеселѣ, шли обнявшись и пѣли. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ драку, крикнулъ:

— Какъ? что? трое на одного? не порядокъ! я вамъ говорю!

Отдѣлившись отъ остальныхъ, онъ невѣрными шагами приблизился къ мѣсту боя и наградилъ одного изъ оборванцевъ такимъ шлепкомъ, отъ котораго тотъ катился нѣсколько шаговъ. Остальные драчуны, не дожидаясь приглашенія, разбѣжались; ушелъ и Маркъ.

Приближался вечеръ. Водная гладь Ла-Манша подъ прощальными лучами солнца горѣла какъ расплавленное золото. Поперекъ набережной легли длинныя тѣни отъ мачтъ. Марку стало жутко. Что дѣлать, надо позаботиться о ночлегѣ! Голодъ давалъ себя чувствовать. Идя на пристань, онъ замѣтилъ маленькую, скромную гостиницу, гдѣ собирався переночевать. Маркъ направился въ ту сторону; но прежде надобно запастись хлѣбомъ и еще чѣмъ-нибудь. Онъ остановился у маленькой лавченки и сунулъ руку въ карманъ, но платка, въ которомъ завязаны были двадцать франковъ, не оказалось. Бѣд-

наго Марка даже въ жаръ бросило: куда онъ могъ дѣться? Дрожащими руками шарилъ онъ по карманамъ; но это было бесполезно: деньги были потеряны. Маркъ сталъ припоминать, гдѣ это могло случиться. Онъ отлично помнилъ, что, придя на пристань, онъ ощущалъ деньги. Вдругъ его осянило: а драка—съ мальчишками!.. Маркъ, что было силы, бросился бѣжать обратно къ складамъ хлопка. Вотъ и мѣсто недавняго боя. Маркъ хорошо его запомнилъ, но, несмотря на самые тщательные поиски, платка съ деньгами не нашлось. Это совсѣмъ мѣняло дѣло. У мальчика даже слезы на глазахъ выступили.

Прощай ужинъ! Прощай ночлегъ въ чистенькой гостиницѣ!

Маркъ остановился у перилъ и развязалъ узелокъ. Тамъ, въ запасной курточкѣ, лежали четыре монетки по пяти сантимовъ, и это было все!! Съ такимъ капиталомъ нельзя было соваться въ какую-либо гостиницу. Грустный повернулъ теперь мальчикъ совсѣмъ въ другую сторону. Онъ прошелъ почти всю набережную Кассернъ. Дальше начинались жалкіе домишки базарнаго вида, лавченки, матросскіе кабачки, палатки ремесленниковъ.

Въ одной изъ лавочекъ Маркъ пріобрѣлъ на пять сантимовъ хлѣба, а съ пятнадцатю робко вошелъ въ жалкій кабачекъ, въ которомъ, повидимому, можно было спросить ночлегъ. При входѣ его охватилъ отвратительный, душный воздухъ и оглушили пьяные крики. Тамъ сидѣли за кружками портовые рабочіе, матросы и еще какія-то темныя личности.

Хозяинъ имѣлъ самый звѣрскій и отталкивающий видъ. На просьбу Марка онъ рявкнулъ:

— Есть! пять сантимовъ! Но ты долженъ еще спросить кружку сидра, малецъ!

Маркъ хотѣлъ объяснить, что онъ не пьетъ, но хозяинъ, не слушая его, налилъ кружку и сунулъ ее Марку. Растерявшись, Маркъ сдѣлалъ глотокъ самаго отвратительнаго сидра, поморщился и выплюнулъ.

— Деньги!—рявкнулъ хозяинъ.

Не зная, что стоитъ сидръ, Маркъ вынулъ еще десять сантимовъ и положилъ на столъ.

Хозяинъ, не глядя, сгрѣбъ ихъ въ

ящикъ и, кликнувъ какого-то мальчишку, велѣлъ его проводить.

Со страхомъ слѣдовалъ Маркъ за своимъ проводникомъ по какимъ-то темнымъ закоулкомъ.

— Вотъ здѣсь!—сказалъ мальчишка, толкнувъ Марка къ стѣнѣ.

Это была довольно узкая щель между деревянной перегородкой и каменной стѣной. Все пространство занимала скамья съ соломенной подушкой. Свѣтъ едва проникалъ сюда въ маленькое отверстіе изъ сосѣдней каморки.

Маркъ улегся подложивъ себѣ подъ голову свой узелокъ. Время шло, но сонъ не являлся. Мальчикъ вертѣлся на жесткомъ ложѣ; самыя печальныя думы роились въ головѣ; острая тоска по дому выжимала слезы на глазахъ. Издалека доносились глухіе крики пирующихъ. Марку стало страшно. Онъ сѣлъ, прислонясь къ деревянной перегородкѣ, и сидѣлъ такъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, не шевелясь.

Понемногу обитатели стали расходиться по своимъ койкамъ. Въ сосѣдней каморкѣ кто-то, бранясь на темноту, тяжело обрушился на доски. Когда все затихло, за спиной Марка послышался чей-то сиплый голосъ, почти шопотъ:

— Жиль, все готово, завтра за работу.

— Узналъ?—отвѣтилъ другой голосъ такъ же тихо.

— Говорю, готово! Старикъ получаетъ деньги, послѣ завтра платитъ судебной командѣ; на слѣдующій день онъ ѣдетъ въ Америку и тогда, прощай; другого такого случая не скоро дождешься.

— Не попасть бы?—робко прошепталъ собесѣдникъ.

— Ну, вотъ, кромѣ старой карги управительницы никого въ цѣломъ домѣ. Да ты будешь съ улицы, Франсуа останется въ саду, главное я беру на себя. Окно я сегодня осмотрѣлъ.

— А если старый Крозье проснется?

— Не нужно именъ, Жиль! А если проснется, церемониться не стану.

Волосы поднялись у Марка отъ страха. Для него было ясно, что какіе-то люди замышляютъ грабежъ, а можетъ и убійство. Онъ сдѣлалъ неловкое движеніе и съ трескомъ съѣхалъ на лавку.

Разговоръ за стѣной прекратился.

Сонъ у Марка совсѣмъ пропалъ. Его охватилъ страхъ. Что дѣлать? надобно

помочь, предупредить несчастіе; но какъ? Куда итти? А самъ онъ развѣ не подвергается опасности со стороны этихъ людей, если они узнаютъ, что онъ подслушалъ? Надо во что бы ни стало уйти отсюда, какъ можно раньше. Но удастся ли? Маркъ рѣшилъ подождать разсвѣта и принялся обдумывать, куда итти, какъ разыскать этого Крозье? Собственно, эта фамилія была единственнымъ указаніемъ, потому что домовъ съ садами по окраинамъ было много и отыскать тотъ, о которомъ говорилось, было невозможно. Марку хотѣлось уйти, пока обитатели дома не проснулись, особенно сосѣди въ каморкѣ. Когда немного разсвѣло, онъ вытѣзъ изъ своей щели и сталъ осторожно пробираться по корридолу. Вчерашней дороги онъ не находилъ. Блуждая по темнымъ закоулкамъ, онъ увидѣлъ дверь, изъ-подъ которой пробирався свѣтъ. Маркъ толкнулъ ее и очутился на грязномъ дворѣ, обнесенномъ низенькимъ заборомъ. Въ одну минуту Маркъ былъ по другую сторону забора.

Слава Богу! улица, ведущая къ набережной Кассернъ. Первой мыслью его было искать полицейскаго, но тотчасъ же онъ одумался. Кто ему повѣритъ? Бродяги отопрутся, и онъ окажется виноватымъ. Нѣтъ, это не годится! Не попробовать ли обойти нѣкоторыя улицы предмѣстья, гдѣ дома съ садами? Можетъ, попадется какая-нибудь вывѣска съ именемъ Крозье или хотя какая-нибудь надпись.

Солнце уже высоко поднялось. Городъ и гавань ожили, а мальчикъ все еще бродилъ по предмѣстьямъ безъ всякихъ результатовъ. За чужими дѣлами онъ забылъ о собственныхъ, а они были крайне плохи, и голодъ напомнилъ ему объ этомъ. Маркъ присѣлъ на скамейку; утомленный безсонной ночью, терзаемый голодомъ, онъ обезсилилъ.

Итти на пристань искать какой-нибудь работы, проситься, какъ вчера, на корабли? Въ то же время Марку представился весь ужасъ могущаго произойти несчастія, если онъ во-время не предупредитъ жертву. Но гдѣ отыскать этого Крозье? Маркъ усиленно припоминалъ каждое слово слышаннаго разговора и сопоставлялъ ихъ: плата судовою командѣ... уѣзжаетъ въ Америку... Его ослѣпила мысль: значить, этого Крозье должны знать въ гавани, но у

кого спросить? А что если онъ не на своемъ кораблѣ ѣдетъ? Тогда онъ долженъ брать билетъ въ какомъ-нибудь изъ бюро на Орлеанской... и какъ это раньше ему не пришло въ голову!

Маркъ пустился со всѣхъ ногъ къ гавани. Въ первомъ же бюро его ожидала удача.

На его вопросъ сторожъ отвѣчалъ:

— Какъ же не знать! Крозье—агентъ транспортированія кладей.—И тутъ же сообщилъ Марку адресъ, прибавивъ, что онъ вчера былъ здѣсь и записалъ билетъ на «Конкордію» до Нью-Йорка.

Маркъ съ быстротою вѣтра пустился по указанному адресу. Дѣйствительно, на линіи предмѣстья оказался домикъ съ садомъ, при входѣ вывѣска:

«Агентъ транспорта».

Къ большому огорченію, Крозье не оказалось дома. Что дѣлать? Маркъ рѣшилъ ожидать его возвращенія и уѣхалъ на выступъ загородки сада. Солнце палило какъ лѣтомъ.

Голодъ причинялъ боль въ желудкѣ: во рту пересохло; но Маркъ былъ счастливъ: ему удастся предотвратить несчастіе. Часа въ четыре, въ пять къ дому подошелъ пожилой, но еще бодраго вида, господинъ. «Онъ!»—подумалъ Маркъ и окликнулъ.

— Да, я Крозье,—отвѣтилъ господинъ...—Что надо, дружокъ?—и повелъ его съ собой къ дому.

Здѣсь Маркъ, боязливо оглядываясь вокругъ, задыхаясь отъ волненія, повѣдалъ приключеніе прошедшей ночи.

Лицо Крозье приняло серьезное выраженіе:

— Если ты не ослышался, мальчуганъ, то это дѣло, повидимому, не шуточное, и я долженъ принять мѣры. Но ты долженъ остаться здѣсь.

— Но, господинъ Крозье, вы мнѣ общались...—робко напомнилъ Маркъ.

— Что никто не узнаетъ о твоёмъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Это я тебѣ, дружокъ мой, еще разъ подтверждаю. Никто не узнаетъ, но я тебѣ предоставлю случай слышать ихъ, и ты, можешь быть, признаешь ихъ голоса. Это нелишнее. Кромѣ того я понялъ, что ты, разыскивая меня съ разсвѣта, со вчерашняго дня не ѣлъ и, навѣрное, страшно голоденъ. Идемъ. Женевьева тебя накормитъ хорошенько. Только не рассказывай ей о томъ, что сообщилъ

мнѣ, а то она переполошится, а я надѣюсь избавить ее отъ этого!!.

Они вошли въ домъ.

— Женева, — ласково сказалъ Крозье, указывая на Марка, — этотъ мальчикъ оказалъ мнѣ услугу, но онъ со вчерашняго дня не ѣлъ. Накормите его хорошенько. Я скоро вернусь. — Онъ ушелъ.

Добрая старушка принялась хлопотать, охая о бѣдномъ мальчикѣ, который такъ голоденъ. Передъ Маркомъ появились разныя вкусныя блюда которыя онъ уписывалъ за обѣ щеки.

Женева такъ занялась подчеваніемъ мальчика, что даже не спросила, какую услугу онъ оказалъ господину Крозье, чѣмъ избавила Марка отъ труда выдумывать какую-нибудь небылицу. Господинъ Крозье скоро вернулся.

— Женева! — сказалъ онъ, входя, — вы хотѣли навѣстить свою племянницу въ городъ. Сегодня это будетъ удобно вамъ сдѣлать: я остаюсь дома; мальчикъ будетъ со мною. Лучше, если вы это сдѣлаете до моего отъѣзда.

Старушка оказалась очень довольной и быстро собралась.

Немного погодя, Крозье и Маркъ остались одни.

Часовъ въ 8 вечера господинъ Крозье самъ пустилъ въ калитку нѣсколькихъ людей, одѣтыхъ въ темное. Часть ихъ скрылась въ саду, остальные ушли въ домъ. Маркъ сообразилъ, что это полицейскіе.

Затѣмъ Крозье принялся запираť двери и окна, причемъ одно оставилъ только притвореннымъ. Самъ онъ помѣстился въ сосѣдней комнатѣ вмѣстѣ съ мальчикомъ. Въ десять часовъ погасили всѣ огни. Водворилась жуткая тишина.

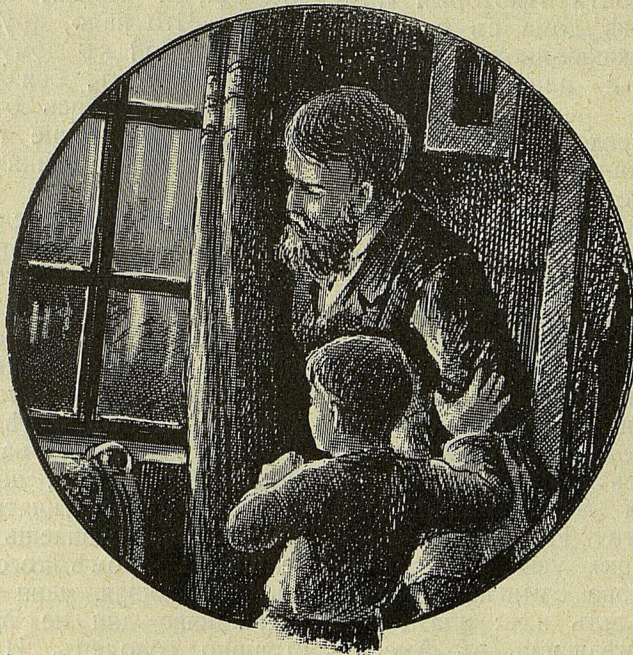
Крозье и Маркъ прижались у окна. Ожиданіе казалось мучительнымъ. Сердце Марка усиленно билось при малѣйшемъ шелестѣ въ саду. Гдѣ-то пробили 12 часовъ. Прошло еще тягостныхъ полчаса. Вдругъ подъ окномъ послышались тихіе крадущіеся шаги. Идущіе остановились — послышался шопотъ.

Марку показалось, что сердце его остановилось. Онъ узналъ этотъ сиплый голосъ. Дрожащей рукой онъ схватилъ Крозье.

— Это они! — прошепталъ онъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Никъ Дени.

Глава III *).

Утѣшеніе въ горестяхъ.

Почти мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ Герти получила кошечку, но случилось такъ, что она схватила сильный насморкъ оттого, что долго была на вѣтру и подъ дождемъ. Нанъ, опасаясь, что она серьезно захвораетъ, и боясь безпокойствъ, которыя болѣзнь можетъ повлечь за собой, приказала ребенку сидѣть дома и не выходить изъ комнаты, гдѣ топился каминъ. Герти уже не кашляла, и ей было бы очень пріятно сидѣть у печки, если бы не постоянное безпокойство за котенка. Она боялась, какъ бы онъ не пропасть, не умеръ бы съ голоду, прежде чѣмъ она поправится и сможетъ заботиться о немъ. Однако, день прошелъ, и котенка не было видно; но къ вечеру, когда мужчины пришли ужинать, одинъ изъ нихъ наступилъ на бѣдное животное, проскользнувшее въ комнату.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ чело-
вѣкъ, котораго звали Джемми,—на что

Фонарщикъ.

Повѣсть изъ американск. жизни. Кумминсъ.

я наступилъ? Да это кошка! Но я думалъ, Нанъ, что вы ненавидите кошекъ!

— О! она не моя; прогоните ее,—скачала Нанъ.

Джемми хотѣлъ повиноваться; но котенокъ ускользнулъ, потомъ обѣжалъ домъ, пробѣжалъ между ногами одного, другого, и бросился на руки Герти, тревожно слѣдившей за всѣми его движеніями.

— Чья это кошка, Герти?—спросила Нанъ.

— Моя,—храбро отвѣтила дѣвочка.

— А кто позволилъ тебѣ имѣть кошекъ, скажи, пожалуйста; мнѣ очень интересно это знать,—продолжала Нанъ.

Всѣ мужчины смотрѣли на Герти. Она боялась ихъ. Они иногда дразнили ее; всегда были для нея причиной страданій. Она и подумать не смѣла о томъ, чтобы признаться, отъ кого она получила этотъ подарокъ, зная прекрасно, что это только ухудшитъ положеніе вещей, потому что Нанъ всегда вспоминала упреки Тру Флинта въ тотъ вечеръ, когда она имѣла жестокость избить ребенка изъ-за нѣсколькихъ пролитыхъ капель молока. Съ другой стороны, у Герти не хватило сообразительности приписать подарокъ кому-нибудь другому; иначе она не колебалась бы солгать: вѣдь никто не научилъ ее предпочитать правду, когда ложь представляла больше выгоды и избавляла отъ наказанія. Она умолчала и залилась слезами.

*) См. № 3-й.

— Ну,—сказалъ Джемми,—дайте намъ поужинать, Нанъ, и оставьте малютку въ покоѣ.

Нанъ повиновалась, сопровождая дѣло мало утѣшительнымъ ворчаньемъ.

Какъ только окончился ужинъ, передъ дверью остановился шарманщикъ. Мужчины вышли и присоединились къ толпѣ, состоявшей главнымъ образомъ изъ жильцовъ ихъ дома, которыхъ особенно забавляла танцующая подъ музыку обезьянка. Герти подошла къ окну, чтобы поглядѣть на это интересное зрѣлище. Восхищенная прыжками животного, не отрывая отъ него глазъ, она не замѣтила, какъ кошка выскользнула изъ ея рукъ и, прыгнувъ на столъ, набросилась на остатки ужина. Когда шарманщикъ ушелъ, тогда Герти увидала фонарщика; она думала только о фонарѣ, который онъ собирался зажечь, когда, услышавъ гнѣвное восклицаніе, обернулась и увидала Нанъ, со злобой схватившую котенка. Герти вскочила на стулъ и схватила руку Нанъ. Послѣдняя, одной рукой отталкивая Герти, другой бросила животное на середину комнаты. Герти услышала звукъ падающаго въ воду тѣла, потомъ рѣзкій пискъ. Мегера бросила бѣдное животное въ полную лохань горячей воды, приготовленную для какой-то хозяйственной надобности. Послѣ минутной борьбы и агоніи котенокъ скончался въ мученіяхъ.

Тогда Герти почувствовала, какъ въ ней поднялось все ея негодованіе. Съ молниеносной быстротой схватила она стоявшее около дверей полѣно и запустила имъ въ Нанъ. Она мѣтила вѣрно; оно попало прямо въ голову женщины. Кровь потекла изъ раны; но Нанъ почти не замѣтила ея: такъ великъ былъ ея гнѣвъ. Она бросилась на Герти, взяла ее за плечи, и, открывъ дверь на улицу, швырнула ее на тротуаръ. «Чтобъ тѣбѣ твоя не перешагнула больше черезъ порогъ моего дома, злой дьяволъ!» —закричала она, входя въ домъ, и оставляя дитя на улицѣ въ темную, холодную ночь.

Герти въ крикахъ излила все свое горе и злобу. Она не рыдала, какъ дѣлаютъ обыкновенно дѣти, а выпускала частые, пронзительные крики, иногда совершенно теряя силы.

Она не думала о себѣ. Вся душа ея

была наполнена страшной мукой при воспоминаніи о жуткой кончинѣ единственнаго существа, которое она могла еще любить. Она легла навзничъ у стѣны, закрывъ лицо руками, не слыша происходившаго вокругъ шума, не замѣчая даже торжества злой маленькой дѣвочки, бросившей когда-то ея ботинки въ рѣку и теперь смотрѣвшей на нее съ злорадствомъ.

Вдругъ она почувствовала, что кто-то поднимаетъ ее. Незамѣтно очутилась она на лѣстницѣ Трумана Флинта, стоявшей еще у фонарнаго столба. Фонарщикъ приподнялъ ее такъ высоко, что ихъ лица были на одномъ уровнѣ. Тогда онъ узналъ свою маленькую приятельницу и участливо, какъ въ прошлый разъ, спросилъ о причинѣ ея горя.

Но Герти только могла произнести: «Моя кошечка! О, моя кошечка!»

— Какъ, та, которую я тебѣ далъ? Ты потеряла ее? Не стоитъ изъ-за этого плакать.

— Нѣтъ... не потеряла. О! Бѣдная моя кошечка!

И отчаяніе Герти выразилось еще болѣе сильнымъ взрывомъ, чѣмъ раньше. Въ то же самое время бѣдное дитя кашляло такъ сильно, что Тру испугался за нее. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы успокоить ее, и, отчасти достигнувъ этого, сказалъ, что она простудится, что можетъ схватить какую-нибудь болѣзнь и что надо пойти домой.

— Нѣтъ, нѣтъ! она меня больше не приметъ!—сказала Герти,—и даже если она согласится, я не захочу.

— Кто? твоя мать?

— О! нѣтъ, Нанъ Грантъ?

— Кто это, Нанъ Грантъ?

— Злая женщина, которая утопила моего бѣднаго котенка въ кипяткѣ.

— Гдѣ твоя мать?

— У меня нѣтъ ея.

— Чья же ты, моя бѣдная крошка?

— Ничья.

— У кого же ты жила и кто о тебѣ заботился?

— Я жила у Нанъ Грантъ; но я ее ненавижу. Я бросила ей полѣно въ голову и хотѣла ее убить!

— Тише, тише. Это дурныя слова. Я поговорю съ ней.

Тру направился къ дому, стараясь увлечь за собой Герти: но та сопротивлялась такъ энергично, что онъ при-

нужденъ былъ оставить ее на улицѣ. Онъ вошелъ прямо въ комнату, гдѣ Нанъ въ этотъ моментъ перевязывала себѣ голову старымъ платкомъ, и сказалъ ей, что она хорошо сдѣлала бы, если бы позвала ребенка, иначе онъ замерзнетъ.

— Это мнѣ безразлично,—отвѣтила Нанъ.—Она довольно много времени провела здѣсь! Это какое-то проклятіе, какое-то отродье дьявольское! Я удивляюсь, какъ могла я держать ее до сихъ поръ; я надѣюсь никогда больше не видѣть ее, а по-вашему я должна взять ее за то, что она пробила мнѣ голову!

— Но что съ ней будетъ?—сказалъ Тру.—Холодъ ужасный, и что вы скажете, если ее найдутъ завтра замерзшей у порога вашего дома?

— Что я тогда скажу—васъ не касается; позаботьтесь вы о ней и оставьте меня въ покоѣ. Возьмите ее съ собой и дѣлайте съ ней, что хотите; на мою долю выпало достаточно! Она можетъ замерзнуть или умереть, мнѣ это безразлично. Но не бойтесь: эти дѣти, которыя появляются неизвѣстно откуда, не такъ легко погибаютъ. Это дитя улицы, пусть городъ о ней и позаботится; и вы разумнѣе поступите, если пойдете своей дорогой и займетесь своими дѣлами.

Тру дольше не оставался. Горящіе гнѣвомъ глаза Нанъ, ея угрожающій видъ, предвѣщали приближеніе грозы, и онъ предпочелъ благоразумно удалиться, прежде чѣмъ разыграется буря.

Герти только-что осушила слезы, когда Тру вышелъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—она не хочетъ тебя.

— Какое счастье!—воскликнуло дитя.

— Куда же ты теперь пойдешь?

— Я ничего не знаю. Можно мнѣ пойти за вами и смотрѣть, какъ вы будете зажигать фонари?

— А потомъ?.. Гдѣ ты будешь спать?

— Не знаю, у меня нѣтъ дома. Я буду спать на улицѣ и буду глядѣть на звѣзды; только вотъ будетъ очень холодно, правда?

— Холодно? Да вѣдь ты замерзнешь, прежде чѣмъ настанетъ утро.

— Что же тогда дѣлать?

— Одинъ Богъ знаетъ!

Тру смотрѣлъ на Герти съ глубокой тревогой. Онъ не могъ оставить ее на улицѣ, да еще въ такой холодъ; но что дѣлать и какъ привести ее къ себѣ? Онъ былъ бѣденъ и жилъ одинъ. Страшный приступъ кашля, который въ этотъ моментъ потрясъ грудь ребенка, раз-

сѣялъ неуверенность старика, и, взявъ Герти за руку, онъ сказалъ ей: «Идемъ со мной». И Герти побѣжала за нимъ, не спрашивая, куда они идутъ.

До конца улицы, которую обслуживалъ Тру, оставалось еще зажечь фонарей двѣнадцать. Герти смотрѣла на работу съ такимъ вниманіемъ, какъ-будто бы другой цѣли она не преслѣдовала, идя за нимъ. И только, когда они повернули за уголъ и прошли еще нѣкоторое время не останавливаясь, она спросила, куда они идутъ.

— Домой,—отвѣтилъ Тру.

— Я развѣ пойду къ вамъ?—спросила Герти.

— Да,—сказалъ Тру,—вотъ мы уже пришли.

Онъ открылъ дверь, выходящую на тротуаръ. Узкій дворъ, въ который онъ вступилъ, тянулся вдоль приличнаго на-

видъ двухъэтажнаго дома. Онъ прошелъ дворъ, миновалъ нѣсколько оконъ, и, подойдя къ маленькой двери съ задней стороны дома, открылъ ее, и вошелъ въ свою комнату. Холодъ пробиралъ Герти; отъ долгой ходьбы по тротуару ея босыя ноги совсѣмъ посинѣли. Въ комнатѣ, въ которую они вошли, не было топлено, и она была бы привлекательна, если бы не грязь и беспорядокъ, невольно бросающіеся въ глаза. Тру поспѣшилъ отнести свою лѣстницу и тряпку за перегородку, затѣмъ, вернувшись съ охапкой дровъ, онъ развелъ огонь въ очагѣ. Черезъ нѣсколько минутъ пламя весело запрыгало, и холодная комната быстро нагрѣлась. Тогда, притащивъ къ очагу старую деревянную скамью, онъ постлалъ на ней свой толстый подбитый мѣхомъ плащъ и, взявъ маленькую Герти на руки, бережно посадилъ ее на это теплое и удобное ложе и принялся готовить ужинъ. По привычкѣ стараго холостяка Тру все умѣлъ дѣлать для себя самъ. Когда чай былъ готовъ, онъ налилъ большую чашку, положилъ въ нее много сахара, влилъ молока, вынулъ изъ маленькаго буфета краюху хлѣба, отрѣзалъ длинный ломоть и пригласилъ дитя пить и ѣсть, сколько захочется. Онъ видѣлъ по ея лицу, что она никогда не видала такой хорошей пищи. Видимое довольство, которое вызывало въ дѣвчкѣ необычайно-вкусный для нея ужинъ, дѣлало Тру такимъ счастливымъ, что онъ самъ забывалъ ѣсть. Онъ смотрѣлъ на нее съ нѣжностью, которая показывала, что дѣтскій инстинктъ не обманулъ Герти, когда она чувствовала, глядя на Тру, гораздо раньше, чѣмъ заговорить съ нимъ, что этотъ человѣкъ, такой добрый, можетъ быть другомъ всего міра, даже самаго заброшеннаго въ мірѣ существа. Рожденный въ Нью-Гэмпширѣ, гдѣ и выросъ, Труманъ Флинтъ, въ 15 лѣтъ оставшись сиротой, ухалъ въ Босфоръ и долгое время зарабатывалъ себѣ на жизнь тѣмъ, что дѣлалъ всякую работу, какая только попадалась. Прежде чѣмъ стать фонарщикомъ, онъ служилъ чернорабочимъ въ большомъ складѣ у одного богатаго купца, очень хорошаго человѣка. Однажды, разгружая тяжелыя бочки, онъ былъ опасно ушибленъ въ грудь одной изъ нихъ.

Долгое время не надѣялись его спасти, и когда, наконецъ, онъ былъ внѣ опасности, его здоровье восстанавлилось такъ медленно, что только черезъ годъ онъ могъ снова стать на работу. Эта болѣзнь поглотила всѣ его сбереженія; но хозяинъ, никогда не оставлявшій его въ нуждѣ, прислалъ къ нему хорошаго доктора и заботился о томъ, чтобы за больнымъ былъ хорошій уходъ. Однако Тру никогда уже не смогъ возвратитъ себѣ прежнія силы и тяжелый трудъ былъ ему уже не подъ силу. И тогда-то хозяинъ, бывшій для него добрымъ другомъ, досталъ ему мѣсто фонарщика; но это мѣсто не мѣшало ему прирабатывать себѣ еще кое-какой мелкой работой.

Тру было теперь за пятьдесятъ лѣтъ. Молчаливый по характеру, онъ жилъ одиноко, былъ малоизвѣстенъ въ городѣ, и имѣлъ только одного друга—сторожа сосѣдней церкви, старичка, слышавшаго за нелюдима.

Мы оставили Герти въ тотъ моментъ, когда она кончала свой ужинъ. Теперь она лежитъ на широкомъ скамьѣ и крѣпко спитъ подъ теплымъ одѣяломъ: подъ головой ея подушка. Тру стоитъ подлѣ нея; онъ держитъ въ своихъ грубыхъ рукахъ худенькіе пальчики дѣвочки и отъ времени до времени оправляетъ на ней одѣяло. Герти тяжело дышитъ, нервно вскидывается и громко бредитъ. Тру слушаетъ ее; она умоляетъ: «О, не топите моего котенка! не топите его!» Потомъ, вдругъ пугается и кричитъ: «Она поймаетъ меня! она схватитъ меня!» Или же проситъ трогательнымъ, молящимъ голосомъ: «Добрый старичокъ, оставьте меня у себя, я прошу васъ!»

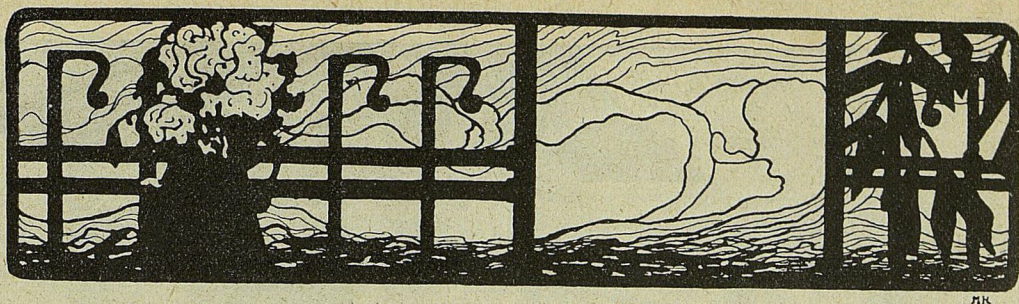
Тяжелыя слезы катятся изъ глазъ Трумана Флинта и текутъ по морщинистымъ щекамъ; онъ кладетъ голову на подушку, прикладываетъ къ своей щекѣ личико Герти и гладитъ рукой ея спутанные волосы.

— Поймать тебя?—говоритъ онъ.— О, нѣтъ! Ты останешься у меня, я обещаю тебѣ это, дорогая малютка; ты одна на бѣломъ свѣтѣ, я тоже одинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. Н. Атласъ.

Драмы въ воздухѣ.

Было яркое, солнечное утро. На улицахъ Бордо царило обычное дѣловое оживленіе. мчались экипажи, сновали прохожіе. Но кто бы ни прошелъ мимо церковной башни на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ, тотъ невольно останавливался и смотрѣлъ вверхъ. Тамъ, на головокружительной высотѣ, двое рабочихъ, примостившись на крышѣ, осматривали громадный циферблатъ башенныхъ часовъ, собираясь приступить къ починкѣ стрѣлокъ. Снизу едва можно было различить фигуры рабочихъ. Кружилась голова при одномъ видѣ людей, находившихся на такой высотѣ.

Большинство прохожихъ, посмотрѣвъ, спѣшило дальше, но, какъ всегда, нашлись эфваки, которые, забывъ свои дѣла, не отрываясь, слѣдили за движеніями рабочихъ и обмѣнивались замѣчаніями:

„Вотъ, еще выше полѣзъ!“

„Стрѣлку трогаетъ!“

„Неужели онъ не боится!“

„А и хитрый же народъ эти рабочіе!“ раздавалось въ толпѣ.

Женщины взвизгивали, когда наступала особенно опасная минута, но не уходили. Очень ужъ интересное было зрѣлище, хотя и жуткое!

Мальчикъ, несшій кому-то обѣдъ въ судѣ, забывъ, что его ждутъ, что ему достанется за остывшія кушанья, и такъ и замеръ, засунувъ отъ изумленія палецъ въ ротъ. Тутъ же стояли нѣсколько равносчиковъ, увлеченные зрѣлищемъ: они забыли про торговлю.

А рабочіе продолжали опасное дѣло.

Ихъ было двое. Одинъ, постарше, Клодъ

Броше, угрюмый, вѣчно недовольный малый, сварливаго характера, но опытный, умѣлый мастеръ. Другой, его подручный, Жанъ Мишо, жизнерадостный, добродушный парень. Онъ и теперь, несмотря на опасность, напѣвалъ вполголоса веселую пѣсенку и все порывался заговорить со своимъ угрюмымъ товарищемъ. Но тотъ сердито отмалчивался. Еще утромъ, идя на работу, они повздорили изъ за какого-то пустяка, и Клодъ поклялся товарищу, что онъ ему припомнитъ обиду. Теперь онъ бросалъ на товарища далеко не дружелюбные взгляды и срыву, грубымъ голосомъ, дѣлалъ ему указанія.

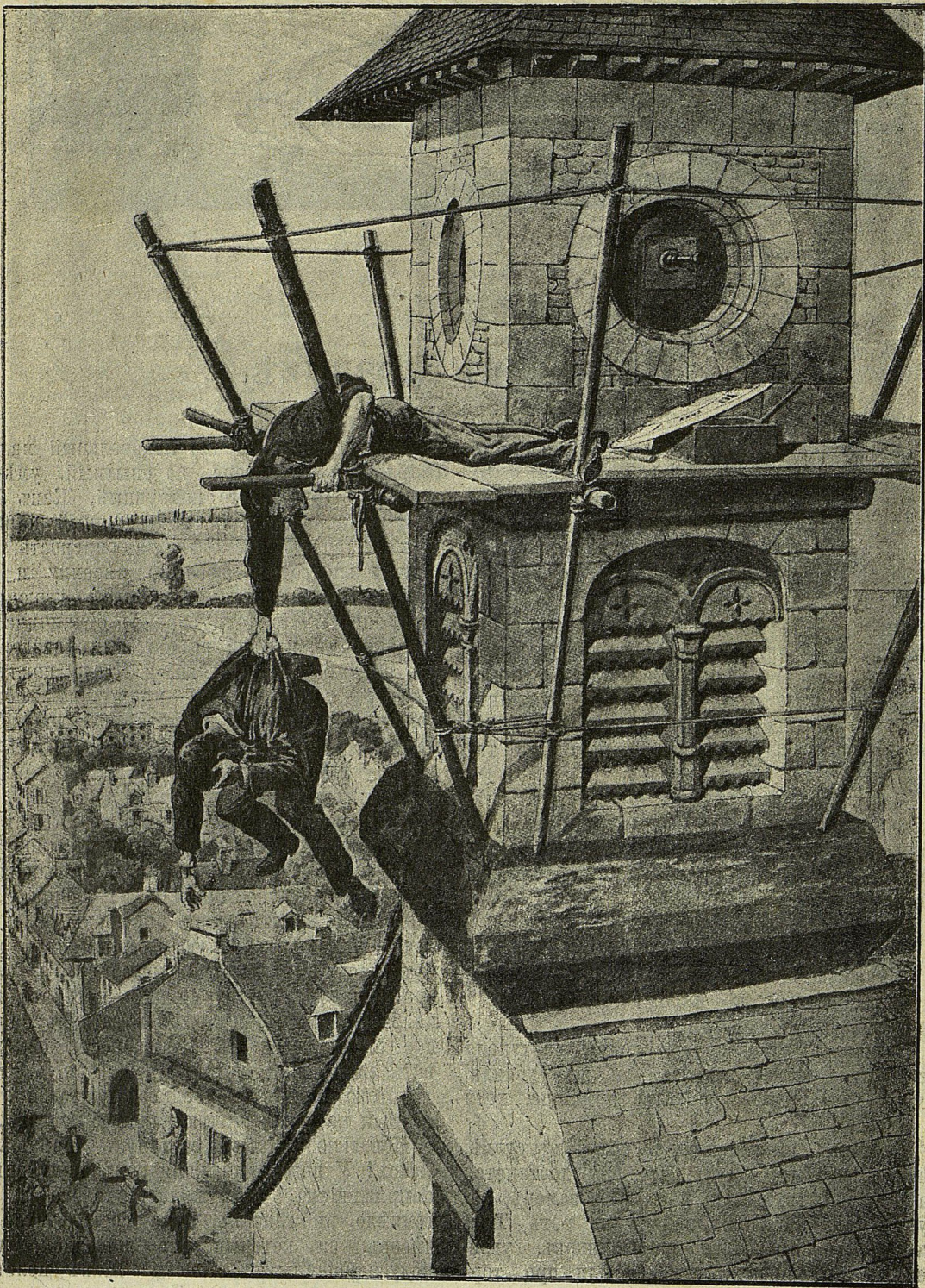
Работа подвигалась къ концу.

Жанъ мечталъ уже о томъ, какъ пріятно будетъ отдохнуть дома послѣ трудной работы, и какъ кстати придется повышенная плата, которую назначили за починку часовъ. Онъ купитъ женѣ хорошенькую косыночку, какъ разъ такую, которая такъ приглянулась ей въ окнѣ магазина, а сыну, краснощекому бутузу Пьеру,—пестраго шаяца. Еще немного, и можно влѣзть въ башенное окошечко и въ безопасности осматривать внутренній механизмъ часовъ. А тамъ и готово! Внизъ по узенькой винтовой лѣстницѣ и на улицу, такую далекую теперь...

Невольно Жанъ взглянулъ внизъ... о ужасъ! У него, уже порядкомъ измученнаго напряженіемъ, закружилась голова и потемнѣло въ глазахъ. Рука соскользнула съ лѣсовъ, за которые онъ держался, и съ полузадушеннымъ стономъ Жанъ полетѣлъ со своихъ подпорокъ. Еще моментъ, и онъ бы разбился на смерть.

Клодъ видѣлъ его паденіе. Быстрѣе мол-

ни, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ съ опасностью для собственной жизни, ухватилъ товарища за блузу своей рукой. Рискуя ежеминутно свалиться, держалъ онъ товарища, съ ужасомъ чувствуя, что самъ изнемогаетъ, что и у него начинается кружиться голова, и что блуза подается и трещитъ отъ тяжести тѣла.

Видятъ ли стоящіе внизу весь ужасъ ихъ положенія? Взглянуть нельзя: какъ разъ закружится окончательно голова, и полетишь...

Минуты шли и казались вѣчностью. Клодь чувствовалъ, что сейчасъ не выдержать...

Но что это? Шумъ снизу, голоса... Къ нимъ по лѣстницѣ поднимаются люди. А вотъ изъ окна появились другіе съ веревками, крюками. Еще нѣсколько ужасныхъ мгновеній, и рабочіе были спасены. Полубезчувственныхъ, ихъ на веревкахъ спустили внизъ.

Когда прошли первыя мгновенія радости, и пришедшіе въ себя рабочіе сидѣли въ кафе и подкрѣплялись, Клодь обратился къ Жану съ непривычной для него добродушной усмѣшкой:

„Что, братъ? припомнилъ я тебѣ? Только не такъ, какъ я думалъ!“

Жанъ молча стиснулъ руку своего спасителя, еще недавно бывшаго его врагомъ...

Высоко въ горахъ, гдѣ нѣтъ никакой растительности, а только высятся угрюмыя, сѣрыя скалы, прокладывали дорогу. Каменные глыбы не поддавались ни лопатѣ, ни киркѣ, и приходилось взрывать ихъ динамитомъ, чтобы расчистить путь.

Работами завѣдывалъ молодой инженеръ америкаецъ Джонъ Тредсъ. Съ утра и до вечера онъ былъ среди рабочихъ, распоряжался, вычислялъ, заражая всѣхъ своей неутомимостью и бодростью. Его звучный голосъ раздавался то тутъ, то тамъ. Не довольствуясь распоряженіями, онъ самъ брался за инструментъ, показывая, гдѣ и какъ нужно работать.

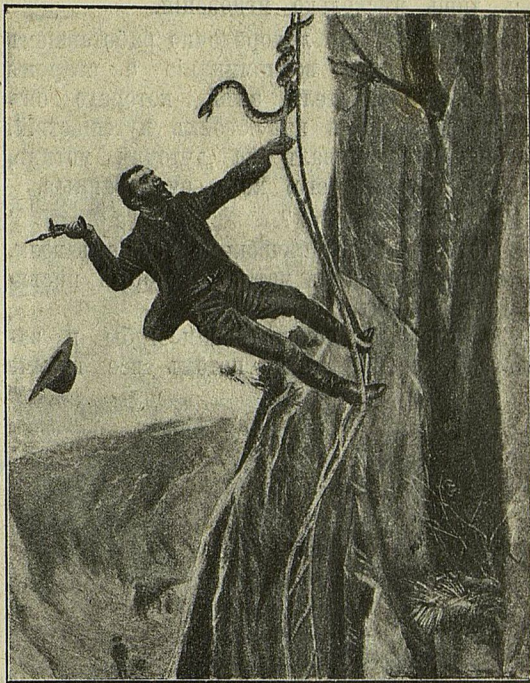
Работа быстро подвигалась впередъ: приближалась самая трудная ея часть: надо было взорвать выступъ скалы, повисшій надъ пропастью.

Это взялся исполнить самъ инженеръ.

Въ назначенный день все было готово. По веревочной лѣстницѣ, съ патрономъ въ рукѣ, медленно поднимался Джонъ Тредсъ. Вотъ уже близко то мѣсто, куда надо вложить патронъ, затѣмъ прикрѣпить къ патрону за-

горающійся пеньковый шнуръ*), и, пока огонь добирается до патрона, слѣпить внизъ.

Опасность была громадная. Малѣйшее неосторожное движеніе, толчокъ, и патронъ можетъ взорваться. А веревочная лѣстница качается подъ ногами по склону скалы.

Выше, еще выше... Люди внизу кажутся муравьями. Инженеру не до нихъ, но они напряженно слѣдятъ за нимъ, замирая отъ волненія. Еще нѣсколько ступенекъ... Вотъ тутъ скоро будетъ небольшой выступъ, за нимъ намѣченное мѣсто, куда надо положить патронъ.

Но что это за странный свистъ и шипѣніе? Инженеръ поднимаетъ голову и цѣпенѣетъ отъ ужаса...

Прямо на него по веревкѣ спускается змѣя. Сомнѣнья нѣтъ: это одна изъ самыхъ страшныхъ, ядовитыхъ змѣй. Она раскрыла пасть, видны ея ядовитыя зубы.

Все ближе и ближе...

Мысли вихремъ проносятся въ головѣ несчастнаго Джона Тредса. Руки его обѣ заняты: одной онъ держится за лѣстницу, въ другой патронъ. Если-бъ, вмѣсто патрона, былъ револьверъ, онъ бы рукояткою его могъ ударить змѣю по головѣ. Но патрономъ ударить нельзя,—взорвется. Бросить его внизъ,—остается одно,—... но тамъ сотня рабочихъ,

*) Такъ-называемый „Бикфордъ“.

которые въ минуту взлетятъ на воздухъ! Сдѣлать назадъ?—Змѣя догонитъ его несомнѣнно!

Какъ быть?

Неужели гибель неизбежна?

Холодѣя отъ ужаса, инженеръ смотрѣлъ на приближающагося врага. Все это длилось лишь нѣсколько мгновений.

И вдругъ въ его лихорадочно работающемъ мозгу мелькнуло воспоминаніе о старомъ индѣйцѣ, заклинателѣ змѣй, котораго онъ видѣлъ въ одномъ изъ своихъ путешествій. Индѣецъ насвистывалъ на дудочкѣ мотивъ, и змѣи слушали его, какъ очарованныя.

Но какой мотивъ?

И тотчасъ, нечеловѣческимъ усиленіемъ воли, инженеръ вспомнилъ мотивъ, который насвистывалъ индѣецъ.

Онъ сложилъ похолодѣвшія губы и зашвыстала, сперва тихо, потомъ все громче

и громче, не спуская глазъ съ своего врага.

И... о, чудо!

Змѣя, какъ завороченная, остановилась.

Продолжая насвистывать мотивъ, инженеръ сталъ медленно спускаться внизъ. Змѣя тихонько поползла за нимъ, не дѣлая попытки его укусить.

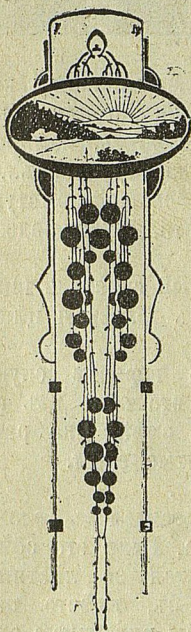
И такъ медленно, шагъ за шагомъ, спустился онъ, посвистывая унылую, однообразную мелодію.

Еще немного, и конецъ ужасному путешествію. Тамъ внизу рабочіе, готовые раздробить голову врагу.

Вотъ и послѣдняя ступенька... Ловкій ударъ тяжелой киркой, и змѣя съ раздробленной головой безжизненно виснетъ на веревкѣ.

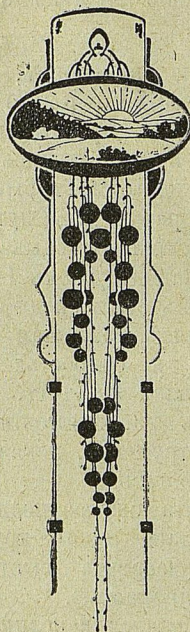
И тутъ же Джонъ Тредсъ, не вынесшій ужаснаго напряженія, падаетъ безъ чувствъ на руки окружающихъ рабочихъ...

Г. Гульковскій.

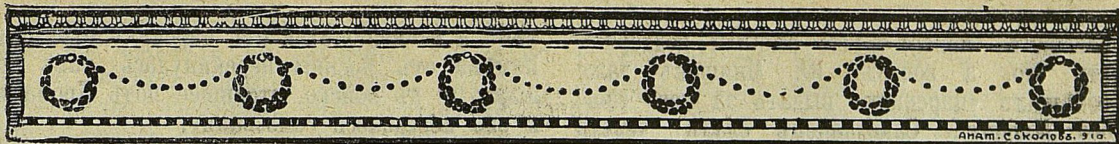

Дѣдъ-морозъ, художникъ знатный;
Въ небѣ мѣсяцъ лишь взойдетъ,
Свой тулупъ надѣнетъ ватный,
И въ дозоръ скорѣй идетъ.
Гдѣ окно увидитъ чистымъ,
Не обманетъ дѣда взоръ,
Брызнетъ инеемъ пушистымъ—
На стеклѣ готовъ узоръ.
Пальмы снѣжныя предстали...
На кибиткѣ золотой
Кони быстрые промчали
Королевича съ женой...
Райскихъ птицъ кружится стая,
Старыхъ сосенъ темный боръ,
Новый, инеемъ бросая,
Пишетъ дѣдъ-морозъ узоръ.
Гдѣ беретъ волшебникъ краски?
Да не трудно отгадать:
Лунный свѣтъ и няни сказки
Помогаютъ рисовать.

Евгеній Сорензонъ.

Смутное время на Руси.

Тяжелыя невзгоды переживали люди въ Русской землѣ триста лѣтъ тому назадъ. Годы за годами тянулись распри и смута, и многимъ стало казаться, что уже не спасется Русь: разорять ее, разорвать на части недобрые люди и иноземные хищники.

Какъ только умеръ суровый царь Иванъ, прозванный «Грознымъ» за свою жестокость, и на царскій престолъ вступилъ сынъ его Федоръ, мягкій и слабый человекъ, такъ сразу же среди бояръ, окружавшихъ молодого царя, началась борьба за то, чтобы поближе стать къ царю и, пользуясь его слабостью и неопытностью, править дѣлами. Вотъ эти нелады и распри бояръ чуть было не сгубили Русскую землю.

При царѣ Федорѣ изъ среды другихъ выдвинулся Борисъ Годуновъ. Умомъ и ученостью онъ превосходилъ тогдашнихъ именитыхъ людей и скоро сталъ для царя самымъ нужнымъ человекомъ. Онъ давалъ совѣты Федору Ивановичу и помогалъ ему во всѣхъ важныхъ случаяхъ своими указаніями. У Годунова была одна завѣтная мечта: послѣ смерти Федора занять царскій престолъ. Но у царя былъ братъ, малолѣтній Димитрій; онъ-то и былъ наслѣдникомъ московскаго престола, и, не устранивъ его, Годуновъ не сдѣлался бы царемъ... И вотъ какіе-то двое убійцъ убиваютъ маленькаго царевича, жившаго въ г. Угличѣ... Многие въ народѣ стали говорить, что это Годуновъ подослалъ убійцъ, чтобы такимъ образомъ безъ всякой помѣхи занять престолъ. Очень можетъ быть, что это было именно такъ. Во всякомъ случаѣ, когда умеръ царь Федоръ, единственнымъ человекомъ, который могъ управлять государствомъ, оказался Годуновъ. Его и выбрали на царство.

Но словно какое-то проклятіе висѣло надъ Годуновымъ: несмотря на то, что Борисъ все свои силы приложилъ къ тому, чтобы заслужить любовь и преданность народа, ему не удалось это: къ нему относились съ недовѣріемъ и враждебностью. Въ короткое царствованіе Годунова является первый «самозванецъ», и съ этого момента начинается уже на Руси поистинѣ «смутное время»...

«Лжедимитрій».

Не любилъ народъ Годунова. Этому, по всей вѣроятности, немало способствовали слухи о томъ, что онъ послалъ убійцъ убить царевича Димитрія, а кромѣ того царь Борисъ и самъ чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше становился подозрительнымъ и суровымъ. Онъ сталъ опасаться, что кто-нибудь такъ же, какъ и онъ, неправдою станетъ добиваться царскаго престола и, свергнувъ его, станетъ царствовать. Тяжелая это была пора, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что когда вдругъ появился человекъ, называвшій себя царевичемъ Димитріемъ, спасшимся отъ смерти, то во многихъ мѣстахъ этому повѣрили.

Кто на самомъ дѣлѣ былъ этотъ самозванный царевичъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ: нѣкоторые думаютъ, что это былъ простой монастырскій послушникъ Григорій Отрепьевъ, бѣжавшій изъ монастыря...

Но какъ бы тамъ ни было, а этотъ человекъ пробрался въ Польшу и первымъ дѣломъ обратился за помощью къ польскому королю. Выдавая себя за царевича, онъ просилъ помочь ему занять русскій престолъ. Польскій король обѣщалъ свое содѣйствіе самозванцу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ

польскихъ «пановъ» уже рѣшили поддерживать его, а воевода Ю. Мнишекъ даже пообѣщалъ «царевичу» выдать за него свою дочь Марину... Самозванецъ слалъ черезъ гонцовъ письма въ русскія области, на Донъ, въ Запорожье и отовсюду скликалъ желающихъ идти съ нимъ походомъ на Москву.

Въ тѣ времена много было людей, занимавшихся военнымъ дѣломъ изъ-за денегъ: они нанимались то къ тому, то къ другому королю, сражались за него и получали за это высокую плату... Кончалась одна война,— они искали ее въ другихъ мѣстахъ... Эти люди, конечно, сразу откликнулись на призывы самозванца, чужая легкую и богатую добычу.

Согласились придти къ нему и донскіе казаки, и отряды польской конницы, и запорожцы...

Такъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ самозванный царевичъ набиралъ себѣ войско и съ нимъ двинулся къ русскимъ границамъ.

Въ то время особенно трудно жилось простому люду «на Москвѣ»: рядъ неурожаевъ и голодъ, притѣсненія, чинимыя отъ разнаго рода «сильныхъ людей», разбои—все это разоряло жителей. Многие стали бѣжать изъ предѣловъ Московскаго государства, а тутъ вдругъ появился человекъ, называвшій себя царевичемъ Дмитріемъ: онъ обѣщалъ всѣмъ обездоленнымъ людямъ помощь и покровительство, и много такого безпріютнаго люда пристало къ самозванцу и пополнило ряды его войскъ. Большинство городовъ сдавались самозванцу безъ боя, и только подъ Новгородъ-Сѣверскимъ ему пришлось плохо. Долго онъ простоялъ подъ этимъ городомъ, но взять его не удалось, и самозванецъ, снявъ осаду, отошелъ къ Сѣвску. Подъ Сѣвскомъ войска самозванца были разбиты, и если бы воеводы царя Бориса лучше знали военное дѣло, то весьма возможно, что самозванецъ былъ бы прогнанъ совершенно, но воеводы дѣйствовали нерѣшительно и неумѣло; а самозванецъ воспользовался этимъ и скоро собралъ свои разбитые отряды, набралъ подкрѣпленія и двинулся дальше...

Какъ-разъ въ самый разгаръ борьбы съ самозванцемъ скончался царь Борисъ. Въ Москвѣ среди бояръ нашлись люди, рѣшившіе перейти на сторону самозванца и провозгласить его царемъ. То были Басмановъ, Голицыны, Салтыковъ, а ихъ поддерживали и другіе, менѣе знатные.

Самозванецъ въ это время шелъ къ городу Кромамъ выручать своихъ, заставшихъ

тамъ и отбивавшихся отъ царскихъ отрядовъ. Измѣна отъ Москвы перекинулась какъ пожаръ, и въ войско, стоявшее подъ Кромами, и оно передалось самозванцу.

Теперь для самозванца не было препятствій, и онъ прибылъ въ Москву. Такъ сталъ царствовать на Руси «Лжедмитрій». Но и года не удержался онъ на царскомъ престолѣ. Вскорѣ стали имъ недовольны бояре за то, что всюду онъ выдвигалъ впередъ поляковъ, а ихъ не цѣнили и оскорбляли; простой народъ былъ возмущенъ насиліями и обидами, которыя чинили надъ жителями польскіе солдаты, пришедшіе съ самозванцемъ... Обратили вниманіе и на то, что новый царь не постится въ посты, не любитъ ходить въ баню, не знаетъ старыхъ русскихъ обычаевъ и не исполняетъ ихъ... Сначала удивлялись, а потомъ, убѣждаемые нѣкоторыми боярами съ бояриномъ Шуйскимъ во главѣ, окончательно порѣшили, что то не настоящий царь, а самозванецъ...

Вскорѣ этотъ слухъ распространился по всей Москвѣ, и, наконецъ, вспыхнуло возстаніе (17-го мая 1606 года). Подъ предводительствомъ князя Шуйскаго и другихъ народъ ворвался въ Кремль и во дворецъ и убилъ самозванца. Поляковъ выгнали изъ Москвы, а царемъ провозглашенъ былъ тотъ самый князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который и поднялъ народъ противъ «Лжедмитрія»...

Царь Василій Ивановичъ (Шуйскій).

Лукавый, неискренній человекъ былъ кн. Шуйскій. Со всѣми ласковый и мягкій въ глаза, онъ за спиною своихъ враговъ строилъ козни, выжидалъ удобнаго момента и затѣмъ уничтожалъ ихъ...

Затаивъ непріязнь къ «Лжедмитрію», онъ тѣмъ не менѣе и виду не подавалъ, что не вѣрить въ то, что онъ законный государь.

Лстилъ и угождалъ самозванцу, а въ это же время собиралъ единомышленниковъ среди бояръ и простого люда и ждалъ, когда можно будетъ поднять народъ противъ самозванца...

Все это удалось Шуйскому какъ нельзя лучше. Самозванца свергнули. Кому же царствовать на Руси?.. Друзья Шуйскаго предложили избрать на царство его, и имъ удалось дѣйствительно возвести «лукаваго царедворца» на царскій престолъ. Но зато съ Шуйскаго взято было обѣщаніе боярами ничего не предпринимать безъ ихъ вѣдома и править государствомъ, какъ они, бояре, укажутъ...

Москва присягнула новому царю. Такъ взошелъ на престолъ кн. Шуйскій. Но сразу же во многихъ другихъ городахъ началось недовольство избраніемъ его: такъ-называемые Сѣверскіе города, а затѣмъ Заоцкія мѣста, Украинныя, Рязанскія поднялись противъ Шуйскаго... Началась междоусобица, мятежи... Появились новые «самозванцы»... Всѣ они, выдавая себя за царевича Димитрія, собирали охочихъ людей и вели борьбу съ московскими войсками. Это имъ удавалось легко: ужъ очень много было народу, недовольнаго избраніемъ Шуйскаго.

Первымъ поднялъ возстаніе нѣкій козакъ Болотниковъ. Прикрываясь именемъ царевича Димитрія, онъ собралъ войско, заручился поддержкою всѣхъ недовольныхъ на Украинѣ, въ Рязанской и другихъ земляхъ и пошелъ на Москву. Войска Шуйскаго не были сильны, они не могли дать «вору» сильнаго отпора, и Болотниковъ дошелъ до самой Москвы. Взялъ бы онъ и Москву, если бы ему не помѣшала распря между союзниками, приставшими къ нему... Тѣ перессорились, и нѣкоторые изъ нихъ (напр., Пашковъ) перешли на сторону Шуйскаго... Царскія войска разбили подъ Москвою «воровское войско» Болотникова, заставили его отступить, а подъ Тулою уничтожили новаго самозванца окончательно.

Главарей возстанія царь казнилъ жестокою смертію, а остатки войска Болотникова разсѣялись всюду, составляя небольшіе отряды и занимаясь грабежами. Нужно было появиться вновь какому-нибудь самозванному царевичу, и вся эта масса бездомнаго люда пошла бы за нимъ. Такъ и случилось. Еще когда царь Василій осаждалъ подъ Тулою Болотникова, въ Стародубѣ-Сѣверскомъ объявился новый самозванецъ, котораго впослѣдствіи прозвали «Тушинскимъ воромъ». Онъ, какъ и первый самозванецъ, получилъ помощь изъ-за польско-литовскаго рубежа. Польскіе паны Ружинскій и Вишневецкій оказали дѣятельную поддержку «вору». Съ ними, да еще со всѣми бѣжавшими послѣ разгрома Болотникова отрядами казаковъ «воръ» началъ борьбу съ Москвой. Безъ особеннаго труда разбивалъ онъ царскіе отряды, подошелъ къ Москвѣ и осадилъ ее. Лисовскій и Сапѣга, польскіе военачальники, пришли къ нему съ подкрѣпленіями, и вокругъ «вора» собралось свыше 140.000 вой-

ска. Наступилъ трудный моментъ. «Воръ» стоялъ лагеремъ въ Тушинѣ, подъ Москвою, а царь Василій сидѣлъ въ Москвѣ. Ни «вору» не удавалось взять Москву, ни Шуйскому прогнать «вора». Такъ и находились они въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ до тѣхъ поръ, пока племянникъ царя М. Скопинъ-Шуйскій не собралъ рать въ Новгородскихъ земляхъ и не пришелъ на выручку къ Москвѣ. Скопинъ-Шуйскій прогналъ тушинскаго вора и освободилъ Москву.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не кончилась смута на Руси. Среди бояръ нашлись люди, задумавшіе низложить царя Василя и просить у польскаго короля Сигизмунда его сына Владислава на московскій тронъ. Немало враговъ было у Шуйскаго. А тутъ еще скоропостижно умираетъ молодой воевода Скопинъ-Шуйскій, освободитель Москвы отъ «вора». Въ народѣ началъ ходить слухъ, что Скопина отравили, подмѣшавъ ему какого-то зелья въ чару съ виномъ на пиру. И въ этомъ стали винить царя Василя, заподозрѣли, что онъ, испугавшись того, что Скопина могутъ провозгласить царемъ, такъ какъ онъ пользовался любовью въ народѣ, отравилъ его...

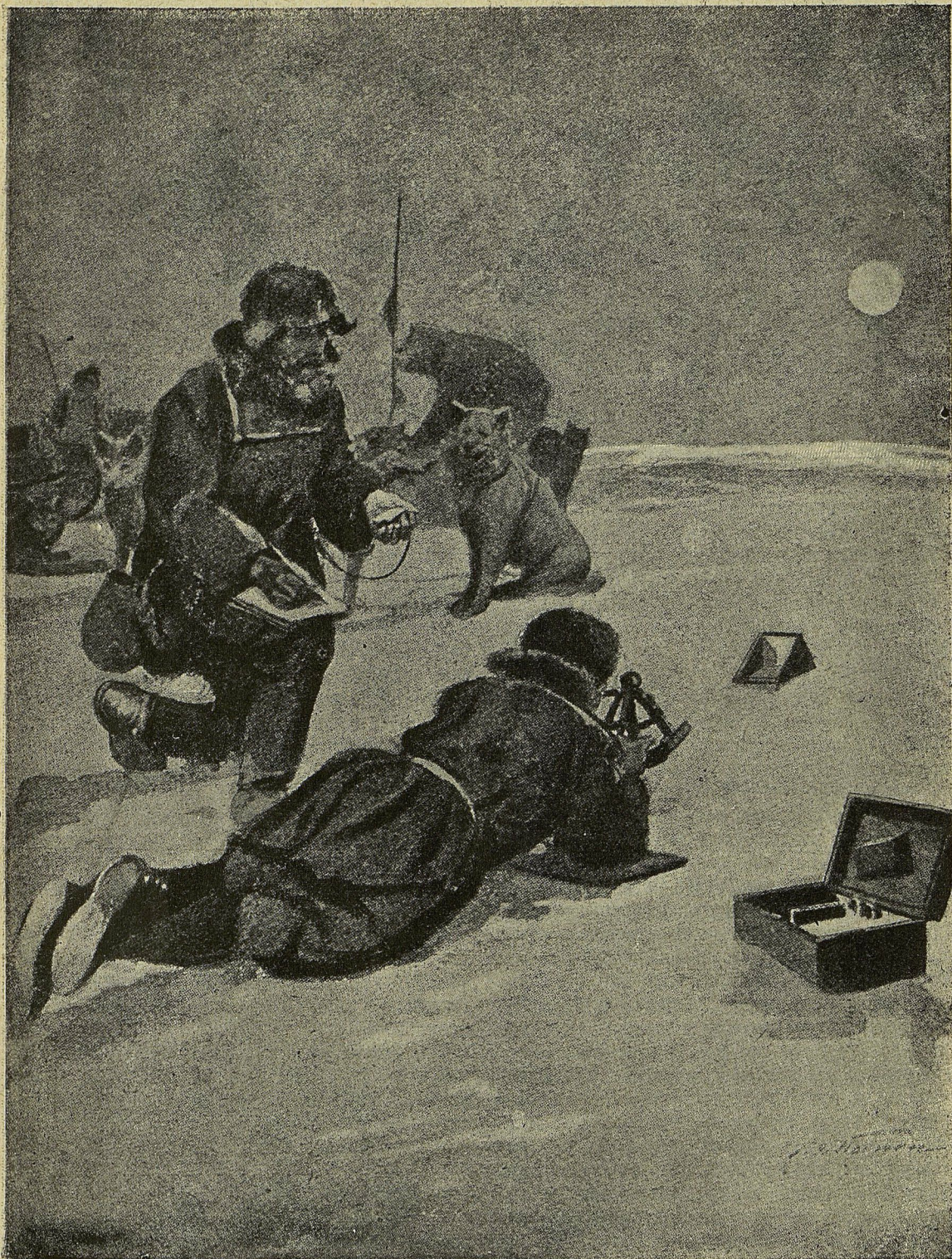
Трудное время настало для царя. Враги его поднимали противъ него народъ, а польскій король шелъ добывать московскій престолъ для своего сына. Противъ поляковъ царь Василій выслалъ войско подъ начальствомъ своего брата Дмитрія, и это войско было на-голову разбито гетманомъ Жолкѣвскимъ. За одной бѣдой явилась другая: разбитый и прогнанный Скопинымъ «Тушинскій воръ» оправился, собралъ остатки своихъ отрядовъ и опять двинулся къ Москвѣ. Такъ съ одной стороны угрожали Москвѣ поляки, а съ другой «Воръ»...

Шуйскій не въ силахъ былъ вести съ ними борьбу, а безсиліемъ этимъ воспользовались его враги и насильно постригли царя Василя въ иноки и заточили въ Чудовъ монастырь.

Это случилось въ 1610 году. Съ той поры и до 1613 года уже не было царя на Руси. Польскія войска и воровскія шайки двигались къ Москвѣ и грозили всей странѣ полнымъ разореніемъ...

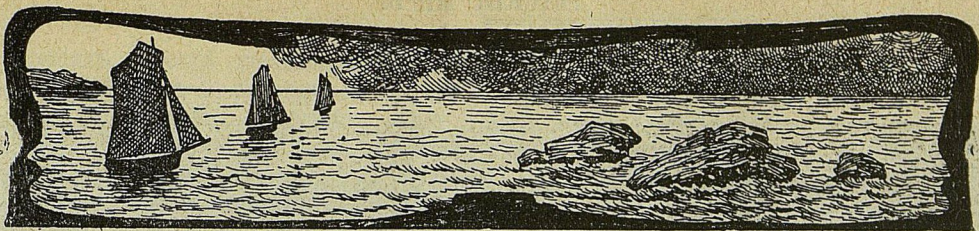
Л. А—чъ.

Участники полярной экспедиціи производятъ измѣренія у Южнаго полюса.

КЪ ПОЛЮСУ!

Съ давнихъ временъ стремятся люди къ тому, чтобы изслѣдовать землю, на которой они живутъ, посѣтить самые отдаленные уголки земного шара...

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій шла безпрерывная работа, и теперь можно съ увѣренностью сказать, что немного уголковъ осталось на землѣ такихъ, гдѣ бы не побывалъ человѣкъ... Изслѣдовали дебри Африки, заглянули въ Тибетъ, изслѣдовали даже маленькіе острова, разбросанные то тамъ, то здѣсь на безконечной глади океана. Наконецъ, нога человѣка ступила и тамъ, куда проникнуть можно было, только преодолевъ массу трудностей,—у южнаго и сѣвернаго полюсовъ. Полярныя путешествія—самыя трудныя и тяжелыя: нужно много знаній, опыта и энергіи, чтобы претерпѣть все, не погибнуть въ „царствѣ льда и ночи“...

Снаряжаются полярныя экспедиціи долго, тщательно, и на ихъ снаряженіе требуется немало денегъ. Обычно нанимается или покупается легкое на ходу, прочное, поворотливое паровое судно, закупаются много провіанта, медикаментовъ, подбирается экипажъ изъ отважныхъ, опытныхъ моряковъ... Судно доставляетъ экспедицію до послѣдней удобной стоянки и тамъ остается, а члены экспедиціи, покинувъ судно, отправляются дальше по безконечной полярной ледяной пустынѣ пѣшкомъ, на лыжахъ. Тутъ уже нельзя обойтись безъ собакъ; онѣ—необходимые участники каждаго полярнаго путешествія. Собакъ запрягаютъ въ санки, нагруженные складной палаткой, платьемъ, инструментами, провіантомъ и оружіемъ... Конечно, это не обыкновенныя собаки,—для такихъ цѣлей берутся особые лайки, привычныя къ бѣгу съ санками.

Съ того самаго момента, какъ участники экспедиціи покинули корабль, для нихъ на-

чинается трудный, полный разныхъ случайностей путь.

И во время плаванія въ сѣверныхъ водахъ немало бываетъ разныхъ несчастій (встрѣчи съ ледяными пловучими горами, бури), но все-же они не такъ часты, во время же путешествія пѣшкомъ смерть подстерегаетъ изслѣдователя на каждомъ шагу. То вдругъ дорогу пересѣчетъ гигантская трещина, то попадется бѣлый медвѣдь, хозяинъ снѣжныхъ пустынь, то разразится полярная метель...

А полярныя метели продолжаются по 5—7 дней подъ-рядъ, движеніе становится невозможнымъ: мелкій густой снѣгъ слѣпить глаза, наметаетъ сугробы, засыпаетъ сани, палатки и людей...

И часто бываетъ такъ, что метель подкрадется незамѣтно, и тогда горе путешественникамъ, ушедшимъ далеко отъ своей палатки...

Лейтенантъ Преструдъ, одинъ изъ участниковъ норвежской экспедиціи Амундсена, рассказываетъ слѣдующее о такой сѣверной вьюгѣ. Онъ съ товарищами въ хорошую погоду отправился дѣлать фотографическіе снимки и разныя изслѣдованія. Отошли они довольно далеко отъ своей палатки, какъ вдругъ одинъ изъ спутниковъ Преструда замѣтилъ, что небо на югѣ стало ярко-краснымъ, а вокругъ солнца образовался широкій кругъ. Это предвѣщало скорую метель. Сейчасъ же всѣ поспѣшили обратно къ палаткѣ, но метель опередила ихъ, стала заметать слѣды и густой пеленой летящаго снѣга закрыла все вокругъ. Палатку нельзя было найти. Но, на счастье Преструда и его товарищей, налетѣлъ порывъ вѣтра, разнесъ тучу снѣжной пыли, и они увидѣли свою палатку... Бросились бѣгомъ по направленію къ стоянкѣ и успѣли достигъ ея во-время... И такъ, въ безпрерыв-

Амундсенъ на Южномъ полюсѣ со своими неразлучными спутниками.

ныхъ лишеніяхъ, рискуя жизнью, движется экспедиція все впередъ и впередъ, дѣлая на пути разные изслѣдованія... Большіе перерывы въ путешествіи заставляютъ дѣлать полярная ночь, длящаяся цѣлые мѣсяцы: тутъ уже приходится дѣлать остановку надолго. Всѣ члены экспедиціи собираются въ палаткѣ и коротаютъ безконечную ночь, проводя время въ чтеніи, разборкѣ собраннаго матеріала и дружной товарищеской бесѣдѣ. Тутъ же и собаки, вѣрные спутники полярнаго изслѣдователя... Кончилась ночь,—и дальше въ путь, пока хватитъ провіанта и силъ...

При такихъ условіяхъ немногимъ изъ путешественниковъ удастся достигнуть намѣченной цѣли, большинство же гибнетъ во льдахъ отъ голода, холода, занесенные снѣгомъ.

Изъ изслѣдователей, задавшихся цѣлью достигнуть полюсовъ, всѣмъ извѣстны имена Ф. Нансена, Пири, Шекльтона, Скотта, Амундсена...

Двумъ послѣднимъ удалось дойти до южнаго полюса, но Скоттъ за это заплатилъ жизнью.

Этотъ отважный капитанъ дважды отправлялся въ полярную экспедицію—оба раза къ южному полюсу. Въ первый разъ (1910 г.) онъ дошелъ до 82°17' южной широты, произвелъ много изслѣдованій, собралъ богатый матеріалъ и вынужденъ былъ вернуться въ Англію, не выполнивъ всего задуманнаго.

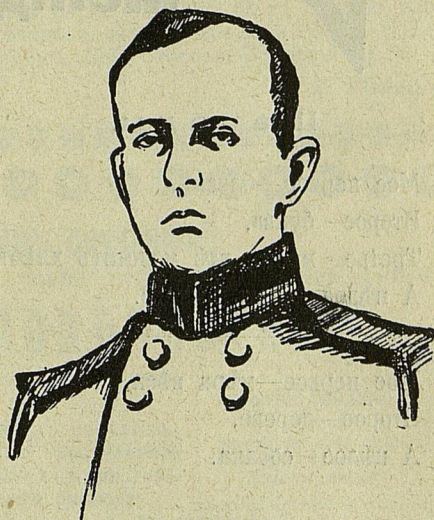
Второй разъ Скоттъ покинулъ берега Англіи 29-го ноября 1910 года. Съ нимъ вмѣстѣ, на суднѣ „Terra Nova“ (Новая Земля), отправились нѣсколько человѣкъ ученыхъ для производства разныхъ наблюденій.

Въ началѣ 1911 года экспедиція Скотта прибыла къ берегамъ земли „Викторія“, гдѣ и было рѣшено устроить стоянку судна въ заливѣ „Murdo“.

Отсюда, покинувъ корабль, Скоттъ направился къ югу, причемъ въ разныхъ мѣстахъ устроилъ склады провіанта, чтобы воспользоваться имъ на обратномъ пути.

Капитанъ Скоттъ достигъ полюса 5-го января 1912 года, но его опередила другая экспедиція, устроенная норвежцемъ Амундсеномъ. Амундсенъ съ товарищами шелъ бы-

стрѣе Скотта, и ему-то и принадлежитъ честь открытія южнаго полюса (16-го декабря 1911 года). Скоттъ достигъ полюса тремя недѣлями позже, но все-же его завѣтная мечта—достиженіе полюса—осуществилась. Выполнивъ свою задачу, Скоттъ двинулся въ обратный путь, и во время обратнаго слѣдованія смерть настигла отважнаго изслѣдователя. Скоттъ, какъ сообщаютъ, погибъ во время страшной полярной метели. Хотя путеше-

Капитанъ Скоттъ.

ественникамъ и удалось добраться до одной изъ палатокъ, оставленныхъ Амундсеномъ, но въюга не выпустила уже ихъ оттуда: снѣгомъ замело ихъ такъ, что всѣ изслѣдователи (съ Скоттомъ погибло еще четыре человѣка) умерли отъ холода и голода.

Южный полюсъ открыть, путешественники нашли тамъ цѣлый рядъ величественныхъ горъ, ледниковъ, обширное плоскогорье, но дорогой цѣной досталось людямъ это открытіе... Сколько изслѣдователей сложили свои головы на пути къ полюсу! И капитанъ Скоттъ, о смерти котораго мы узнали только недавно, былъ однимъ изъ наиболѣе опытныхъ и преданныхъ своему дѣлу.

Л. Холмскій.

Между дѣломъ.

Шарады.

Мое первое—блескъ,
Второе—буква,
Третье—мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ,
А цѣлое—часть цѣлаго.

Мое первое—мѣра вѣса,
Второе—дерево,
А цѣлое—собака.

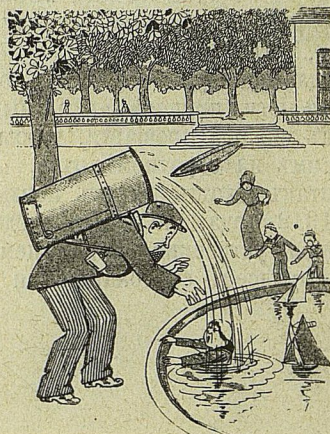

Найти сладость въ слѣдующихъ фразахъ:

- 1) Отъ большихъ дождей прорвало плотину и у Макара мельница перестала работать.
- 2) Левъ поднесъ къ своей пасти лапу.
- 3) Я услышалъ вашъ голосъ и прибѣжалъ къ вамъ.
- 4) Старуха сложила въ горшокъ оладьи и поставила ихъ въ печь.

Медвѣжья услуга.

Упалъ, шая, Вово въ бассейнъ...
Со страху поднялъ крикъ и вой...
Но проходилъ тутъ человекъ
Съ большою банкой за спиной...
    Прохожій сжалился надъ нимъ
    И говоритъ: „Спѣши сюда!
    Я обсушиться помогу!...“
    Но... вышла хуже тутъ бѣда!—
Слетѣла крышка съ банки вдругъ—
И масло хлынуло рѣкой!..
...Пришлось Вово, чтобъ масло смыть,
Вновь окунуться съ головой!..

Эльфъ.

1-ые Заочные кулинарные курсы

Полный курс лекцій для самообученія „Скромный и постный столъ“ около 1000 рецептовъ кушаній, напитковъ, печеній, компотовъ, вареній, сладкихъ блюдъ, пироговъ и др. слишкомъ 300 страницъ убористаго шрифта. Цѣна съ перес. наложенн. платеж. 2 р. 60 к. Наставленіе, какъ правильно вести домашнее хозяйство и приготавливать экономич. вкусные питательные обѣды съ приложеніемъ разрѣз. мяса и украшенія стола блюдъ около 100 стр. съ рис. Цѣна съ перес. наложен. платеж. 1 р. 20 к. Обѣ книги вмѣстѣ 3 р. 35 к. (можно марками). Съ заказами обр. исключительно къ Я. К. ПЕТЕРСУ, С.-Петербургъ, Пет. Стор., Большою пр., № 65—505.

БЕЗПЛАТНО

40 ДНЕЙ БЕЗПЛАТНО!

Если Вы въ теченіе 40 дней не вычитаетесь говорить, читать и писать по-нѣмецки, французски, англійски и латински по нашимъ самоучителямъ, составленнымъ по новѣйшему методу (всѣ другіе—реклама), деньги возвращаемъ обратно. Цѣна самоучит. одного языка съ пересылкой наложен. платеж. 1 р. 10 к., 2-хъ 1 р. 90 к., 3-хъ 2 р. 80 к., 4-хъ 3 р. 65 к. Заказы исполн. единств. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Пет. Сторона, Большою пр., 56—125.

Я. К. Петерсъ.

!!Пользуйтесь временнымъ случаемъ!!

Поступила въ продажу всемірно-извѣстная новая популярно-научная книга

„Вселенная и Человѣчество“

Свыше 860

иллюстрацій, портретовъ и снимковъ съ картинъ: Айвазовскаго, Брюлова, Рафаэля, Рубенса и др.]

колоссальный трудъ д-ра Кремера при участ. знам. профессоровъ.

Исторія земли, небесныхъ свѣтилъ, растительнаго міра, царства животныхъ и постепенное культурное развитіе человѣчества съ доисторическихъ эпохъ до настоящаго времени.

Болѣе 100,000

строкъ убористаго текста на 1560 страницъ большаго формата книги.

Изданіе извѣстной фирмы Коммерціи Совѣтника Н. В. ГАЕВСКАГО.

Появленіе въ свѣтъ этой солидной и полезной книги найдетъ себѣ откликъ въ каждомъ человѣкѣ, стремящемся къ самообразованію.

Отдѣлъ нашей книги: первобытность—заставляетъ содрогнуться передъ тѣми милліонами, быть можетъ, милліардами лѣтъ, которые прошли въ постепенномъ развитіи Вселенной до настоящаго времени.

Не менѣе интересна исторія возникновенія и развитія человѣческаго рода. Значительное мѣсто занимаютъ и, такъ называемыя, міровыя трагедіи: всемірный потопъ, землетрясенія и наводненія, крушенія цѣлыхъ областей и многихъ тысячъ народа.

Большинство моментовъ постепеннаго развитія природы и человѣчества иллюстрировано, снимки съ цѣнныхъ коллекцій, старинныхъ гравюръ Пинара, Дрезденской галлерей, Луврскаго музея, Лондонскаго музея, Эрмитажа и съ нѣкоторыхъ коллекцій американскихъ милліардеровъ.

Книга „Вселенная и Человѣчество“ въ другомъ изданіи стоила 33 руб. Настоящее изданіе случайно приобретенное, временно распродается за цѣну, съ упаковк. и пересылкой вмѣсто 7 руб. за 4 рубля 85 коп., въ Сибирь на рубль дороже. Книга высылается по полученіи денегъ или съ наложеннымъ платежомъ при задаткѣ 1 рубля. Задатокъ можно высылать въ заказн. письмѣ почт. марками или гербовыми. Заказы исполняются единствен. складомъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большою просп. № 56, Я. К. Петерсъ.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

ПРИНИМАЮТСЯ ПО ЦѢНѢ:

50 руб.—1/1 стр., 30 руб.—1/2 стр.,—

15 р.—1/4 стр. и 10 р.—1/8 стр.

МАЛОКРОВІЕ

БЛѢДНУЮ НЕМОЧЬ, СЛАБОСИЛІЕ

возможно радикально излечить только при систематическомъ обновленіи состава крови и доставленіи ей достаточнаго количества легко усваиваемаго желѣза.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ

ХЛОРОЗАНЪ

лучшій испытанный препаратъ, снабжающій малокровный организмъ необходимыми для крови жизненными соками и вызывающій усиленное кровообразованіе.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ доставляютъ организму новые запасы желѣза, легко проникающаго въ кровь, возбуждаютъ дѣятельность кроветворныхъ органовъ и способствуютъ образованію свѣжихъ и здоровыхъ кровяныхъ шариковъ.

Всѣ признаки малокровія, какъ головныя боли, блѣдный цвѣтъ лица, головокруженія и общая слабость исчезаютъ, появляется аппетитъ, притокъ силъ и общее оздоровленіе всего организма.

ПИЛЮЛИ ПЕНИ—единственный желѣзистый препаратъ не только не вызываетъ никакихъ желудочно-кишечныхъ разстройствъ, но и устанавливаетъ совершенно нормальное перевариваніе и усвоеніе пищи, способствуя этимъ правильному питанію всѣхъ тканей организма.

Продается въ аптекахъ и аптекар. магазинахъ.

Цѣна коробки 1 руб. 75 коп.

Главный складъ для Россіи:
Институтъ Д-ра КАЛЬВЭ. Москва,
Срѣтенка, 4, отд. 3/152.

НОВѢЙШІЙ
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ
ПРЕПАРАТЪ ПРОТИВЪ
ХРОНИЧЕСКИХЪ БРОНХИТОВЪ
КАТАРРА ДЫХАТЕЛЬНЫХЪ ПУТЕЙ И
ПРИ ЧАХОТКѢ.

Капслюли МАЙЕ

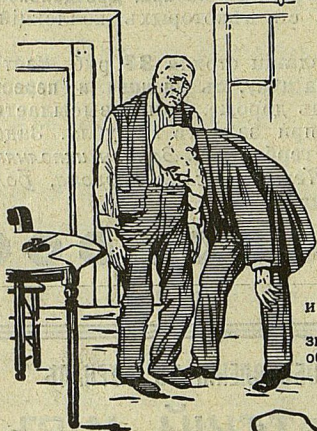
„ЭВКАЛИПТІЯ“

Капслюли Майе дезинфицируютъ легочные пути и въ корнѣ убиваютъ туберкулезную бациллу.

Капслюли Майе уничтожаютъ кашель и поты, вызываютъ аппетитъ и дѣйствуютъ благотворно на общее состояніе больного.

При всякой простудѣ, бронхитѣ, кашлѣ, кровохарканіи Капслюли Майе—лучшее предохранительное средство отъ заболѣванія чахоткой.

Продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Цѣна коробки 1 р. 60 к.

Цѣна 15 коп.